

Jarre

PERSONA NON GRATA

«Мыло» о смерти отца скользнуло в компьютер Джона Филдинга промозглым октябрьским вечером, среди многочисленных адресованных всем и никому реклам, предложений, обещаний. Очередной раз Джон ругнулся в душе на собственную лень, упорно мешавшую ему настроить, наконец, как следует фильтр против всякого мусора. Впрочем, иногда среди хлама попадались и забавные, и оригинальные, и просто комичные своим самоуверенным идиотизмом тексты. Просматривание «мыльной пены» представляло собой своеобразную месть непомерно разросшейся лени, и приводило Джона во временное душевное равновесие.

«Уважаемый м-р Филдинг», начиналось сообщение, в чём не было ничего необыкновенного, поскольку электронный адрес содержал в себе и имя, и фамилию. Просмотрев текст наискосок, Джон отметил, что речь идёт о «наследстве», «банке», подпись внизу: «Нотариальная контора Смит и Хэлловэй». Такие дутые оповещения о несметных сокровищах, дожидаящихся своих владельцев, рассылаемые якобы совершенно бескорыстными нотариусами, адвокатами, банковскими клерками исключительно с целью принести счастье ничего не подозревающим наследникам за 10-20-30% наследства (уплачиваемым, естественно, вперёд – только и единственно для покрытия организационных расходов), попадались Джону неоднократно. Будучи человеком любознательным по природе и по долгу службы, так сказать, пенс. проф. др. ф.-т.н. пару раз послушно пошёл на поводу обещаний – просто чтобы увидеть, на каком этапе появится упоминание о «скромном гонораре» и посмотреть, какие суммы допускает совесть отправителя. Письмо от «Смит и Хэлловей» уже лежало в «мусорном ящике», когда Джон вдруг понял, что имя, упомянутое в тексте, ему знакомо. «М-р Вильям Томсон» – так звали его отца. Отца, впрочем, чисто номинального, мать оставила его, когда Джону было полтора-два года, упоминала его редко и скупно, и собственно отцом он всегда считал отчима, добродушного м-ра Филдинга. От отца осталась лишь тётка Элен, которая некоторое время служила единственным источником крайне отрывочных сведений о «Билли» – пока сама не скончалась 17... нет, уже 19 лет назад. С самим м-ром Вильямом Томсоном Джон никогда не встречался, никогда не имел никаких отношений, никогда не хотел иметь каких-либо отношений – судя по словам тётки, м-р Томсон был не совсем «при своих». Раздираемый между чувством долга и здравым смыслом, любопытством и глубочайшим нежеланием иметь что-либо общее с чокнутым исследователем древней мифологии, внезапно уверившим в экстрасенсов, Атлантиду и прочую эзотерику, вступившим в один из наплодившихся как поганки «орден друидов» и даже пытавшимся издать на собственные скромные сбережения какую-то псевдо-психо-мифо-книжонку, Джон уныло заглянул в текст.

Несметных сокровищ ему не обещали, гонорара не просили. Наследство заключалось в каких-то документах, хранящихся в сейфе банка, ключ и код к которому нотариусы и хотели ему передать в соответствии с завещанием м-ра Томсона, заверенным не то Смитом, не то Хэлловэйем. Последние 20 с лишним лет своей жизни м-р Томсон провёл в Уэльсе, в деревушке с ничего не говорящим Джону названием, недалеко от Конвэя, где и располагалась нотариальная контора, а также банк с сейфом и «документами». Проклиная себя за чрезмерное любопытство, оправдываясь перед собой тем, что нотариусы наверняка бы не отстали от него, чего доброго – появились бы лично, Джон сохранил текст «мыла». Так и быть. Проведя всю жизнь в окрестностях и в самом Кембридже, он давненько уже чувствовал угрызения совести из-за того, что в отличие от своих коллег обделял вниманием историю и географию собственной страны. Отпуска он предпочитал проводить в тёплых краях, на берегах южных морей, окружённый современным комфортом и отдаваясь блаженной лени, обусловленной, конечно же, жарким климатом. Что ж, настал и его час посетить кишачий историческими развалинами, легендами и чёрт-знает-чем ещё Уэльс, прелесть жизни начинающего пенсионера заключается как раз в том, что потом он, тем не менее, может преспокойно отправиться в более тёплые места. Осведомившись о расписании поездов,

поворчав из-за кучи пересадок, Джон решил ехать на машине, и «отмылил» назойливым нотариусам, что появится в их конторе на следующей неделе.

Ни дорога, ни окрестности, ни Конвэй не произвели на него никакого впечатления – морозящий дождь сменялся туманом, проливным дождём, моросью, туманом, ливнем, моросью... Городок казался серым и безликим за сетью мелкой водицы, неустанно падавшей из низких серых туч. Контору он нашёл быстро по оказавшимся весьма толковым описанию, присланному ему Хэлловэйем, но разговаривать ему пришлось со Смитом – таким же безликим и серым, как и всё остальное. К счастью, банк располагался в здании напротив, три шага между дверью конторы и входом банка вели через закрытый пассаж. В присутствии нотариуса, предварительно равнодушно пробежавшего водительские права Джона, и бесцветного банковского клерка был открыт сейф и потребована подпись, удостоверившая передачу «наследства». Убедившись в том, что содержание сейфа соответствует ожиданиям, невозмутимый Смит кивком пригласил Джона вступить во владение сокровищами тронутого мифолога, состоявшего на первый взгляд из кучи исписанных тетрадей. Всё действие походило на жалкий натужный фарс, и Джон очередной раз проклял себя и своего папашу во плоти за необходимость реализации идиотской выдумки. Отправляться в обратный путь в такую погоду ему не хотелось, Шресбури, где он переночевал на пути в Конвэй, до наступления темноты было уже не достичь. С нелепой картонной коробкой в руках, забитой до отказа записями, Джон виновато справился у банковского клерка о ближайшей гостинице и поспешно покинул здание: в глазах клерка он прочёл жалостливую насмешку. Гостиница ютилась в том же пассаже, по крайней мере не пришлось тащить картонку под опять припустившем дождём. Комнатка – почему-то величавшаяся «салон» – оказалась маленькой, но чистой. Торшер на резной деревянной ноге рядом с ушастым креслом бросал уютный неяркий свет, огонь, зажжённый горничной в камине, обещал тепло, приглашал вздремнуть, поставив ноги на каминную решётку и притулившись к толстому мягкому уху кресла. Глоток отличнейшего виски, с улыбкой преподнесённого той же горничной, примирил Джона с судьбой, второй глоток прогнал сырую мерзость, казалось бы, уже проевшую его до костей. Третий глоток разбудил неумную тягу к философствованию, которую Джон так старательно держал на цепи – ещё в самом начале научной карьеры ему пришлось пережить немало насмешек старших коллег, когда его наскоро состряпанную статью о резонансе биотоков мозга двух пробандов, отвергнутую университетским ежемесячником «из-за недостаточной аккуратности эксперимента», упомянули в студенческом журнале и подхватила впоследствии желтая пресса. Директор лаборатории, осаждаемый тупыми, но чрезвычайно назойливыми журналистами, отстранил Джона от экспериментов, да и эксперимент очень быстро прикрыли – сам «объект», робкая пожилая женщина, также вынужденная спасаться от журналистов, отказалась от дальнейшей работы. Джон никогда не сомневался в том, что резонанс тогда действительно имел место, но с тех пор держался подалеже от биологических объектов, и подвергал свои работы многократной проверке, прежде чем осмеливался выносить их на суд хотя бы ближайших коллег. Неудержимую страсть видеть намного больше, чем показывают приборы, вначале ещё приходилось насильно укрощать, но со временем он её победил. В самом деле, какие у него были основания вообще упоминать телепатию? Из чего потом тупорылые журналисты метали аршинные заголовки: «Мысль передаётся на расстояние!», «Тайна телепатии раскрыта!», «Осторожно – Ваши мысли подслушивают!». Позор какой... Вот такие торопливые, жаждущие немедленного признания «учёные» с неумеренной фантазией вредят науке больше, чем тихие кропотливые изыскатели странностей для собственного удовольствия, тратящие свои скромные заработки на то, чтобы донести до мира открытые ими тайны мироздания...

Коробка с «наследством» неприкаянно тулилась к комоду у входной двери. Джон неторопливо поднялся, постоял в нерешительности, сделал очередной глоток из тяжёлого стакана, вздохнув, взял в руки верхнюю тетрадь, вернулся в пригретое кресло и открыл обложку. Под ней лежал незакрытый конверт, адресованный ему, Джону Филдингу, на его домашний адрес в Кембридже. В конверте – несколько обычных белых листов бумаги, исписанных с обеих сторон шариковой ручкой синего цвета. На первый взгляд – никаких признаков помешательства или сенильности: почерк мелкий, но чёткий и легко читаемый, строчки ровные и строго горизонтальные, абзацы отделены, ничто не исправлено, не перечёркнуто...

«Джон!

Я долго думал, как к тебе обратиться. «Дорогой сын» было бы неуместно, я понимаю, хотя для меня ты всегда был именно сыном. Впрочем, м-р Филдинг успешно справился со своей ролью и на его лавры я не претендую. Женился я, спасаясь от тоски, быстро разочаровался, но именно Айрин – воспитанная строго в духе «кирхе-кюхе-киндер»¹ – проявила неожиданное мужество, оставив меня. Конечно, она была обижена, конечно, она имела полное право потребовать от меня невмешательства ни в её, ни в твою судьбу. Я подчинился, и на долгое время прервал все контакты. Тебе было 18, когда я совершенно случайно снова столкнулся с Айрин. Прошлые обиды давно угасли, и, кажется, я сумел ей объяснить, почему наша совместная жизнь не сложилась».

Да... Джону было 18, когда мать сообщила ему о том, что м-р Филдинг его отчим, рассказала о тётке Элен, дала её адрес. Хотя Джон сразу же заявил, что никакого другого отца он не знает и знать не хочет, пару лет спустя любопытство завело его всё-таки в бело-розовую квартиру старой девы, населённую вдобавок ещё и пятью кошками. Элен сразу же начала сетовать на свою судьбу, на невнимание брата, на ревматизм, на несварение желудка – надо ли говорить, что Джон убрался оттуда как можно скорее. В последующие годы, ведомый приступами жалости, он навещал её раз пять или шесть – каждый раз всё было настолько одинаково, что слилось в один-единственный плаксивый монолог – и долго ещё стыдился облегчения, испытанного в тот момент, когда почтальон сунул ему в руки телеграмму: Элен скончалась.

«После этой случайной встречи мы начали изредка перезваниваться. От Айрин я узнал, что ты не горишь желанием со мной познакомиться, поэтому тебе я и не навязывался, хотя твоей судьбой всегда интересовался, и Айрин добросовестно отвечала на мои вопросы. Узнав о скандале с телепатией («Чёрт!», буркнул Джон), я начал следить за твоей работой. Видишь ли, то о чём я хочу тебя попросить, связано как раз с такими странностями в работе мозга, но ни сама тема, ни обстоятельства моего с ней знакомства, ни мои дилетантские впечатления о пережитом не позволяли мне просить помощи у специалистов, чужих людей, прежде всего. К моему сожалению, ты бросил биофизику, но меня не оставляет уверенность, что именно ты – который своими глазами видел, как происходит «нечто» – будешь способен найти рациональное зерно, точку отсчёта, способ оценки, методику обнаружения, проверки описываемых мною явлений. Тем более что впоследствии ты прославился – да-да, именно прославился – строгостью и аккуратностью. («Ещё бы», мрачно заметил Филдинг).

Я отдаю себе отчёт в том, что ты вполне можешь и не захотеть заниматься чем-то, напоминающем тебе о пережитом фиаско. («Именно».) История, которую я хочу тебе рассказать, началась с одной моей статьи (её копию ты найдёшь среди прочих документов), свои соображения о происшедшем я попытался изложить в книжке, изданной на собственные деньги, и канувшей в безызвестность (она тоже есть в коробке), но тебя я попросил бы начать с описания тех встреч, которые перевернули мою жизнь, подпортили жизнь Айрин и начало твоей собственной. Как раз в это описание я и вложу письмо».

Джон открыл первую страницу тетради. Текст оказался печатным – чего только не издают сегодня на деньги настырных графоманов! В предисловии стояло: «Этот текст преднамеренно не содержит ни географических названий, ни дат, чтобы не обескуражить и не отпугнуть здравомыслящего читателя. В конце повествования помещена ссылка на документ с перечнем опущенных данных». Прямо кроссворд какой-то... для скучающих пенсионеров. Джон закрыл книгу и вернулся к письму.

«К сожалению, я не могу изложить тебе вкратце суть явления – я не психолог, не психиатр, не невролог, не..., не..., не... Хотя могу смело назвать себя весьма начитанным, в том числе и в перечисленных областях, но после «начитанный» я вынужден поставить «дилетант». Именно до «сути» я и прошу тебя докопаться. У меня не получилось. Я потратил годы на то, чтобы понять, найти подтверждения в литературе, серьёзной и не очень, в разнообразных течениях, утверждающих об умении воспроизводить пережитое мною –

напрасно. Я знаю, что все мои попытки принесли мне славу «чудака», в лучшем случае. Элен вообще сочла, что у меня поехала крыша, когда я попытался ей обо всём рассказать.

Долго думал, как назвать «это». Телепатия? («Что?!») Нет – ни о каком «чтении мыслей» речи нет. «Эмоциональный резонанс»? Боюсь, на «резонанс» у тебя выработалась аллергия. Да и неточно это. Случайно услышал слово «эмпатия» – способность воспринимать и транслировать чувства, эмоции. Немного похоже, но всё равно не то. Представь себе, каково было мне искать информацию, если я до сих пор не знаю, о чем?! Я вижу, слышу, переживаю давно случившееся так, как будто это произошло только вчера – и не могу описать это словами.

Не пугайся. Речь не пойдёт ни о зелёных человечках («Уф...», вырвалось у Джона), ни о богах, ни об оживших мумиях или мифических персонажах. Для начала я даже не стал вдаваться в подробности горячо любимой мною темы – мифологии, попытался отделить реальность от чужих и собственных домыслов. Хотя, – прости предку, но вынужден заметить – мифы чрезвычайно полезны: только сравнивая оставшиеся нам описания с миром идей, в котором жили авторы текстов, можно очистить историческую реальность от фантазий этих авторов. («Разумно», признал Филдинг.)

Что ж. Довольно вступлений. Пожалуйста, начни с описания первой встречи. Если останешься при мнении, что написано человеком в здравом уме, прочти описание второй. Спроси себя: может ли быть естественно то, о чём я пишу. Если да – переходи к третьей. И только если ты в состоянии поверить тому, что описанное – не выдумка, не фантазия, не бред, не галлюцинация, можешь перейти к четвёртой – и последней – встрече. Потом делай выводы – о моём психическом здоровье, о физических возможностях («Его или вообще?», спросил себя Джон), о физиологической подоплёке («О?!»). Ссылки на места и даты – в конце первой тетради. Затем – заключение медиков, в том числе и психиатра (да-да, я обращался к ним). Прочие тетради содержат все те материалы, которые мне удалось собрать за годы исследований, рассортированные по тематике.

Ещё одно. Я ни в коем случае не буду обижен на тебя, если ты не станешь этим всем заниматься. Во-первых, потому что я уже умру к тому времени, хе-хе. Во-вторых, я не могу предложить тебе никаких объективных подтверждений описанного – кроме заключения медиков о том, что я не псих, и что мои ощущения соответствовали состоянию моего организма. Поэтому позволю себе ещё одну просьбу: верни эту коробку в банк, в тот же сейф, откуда ты её получил, если решишь забыть эту историю. Не тяни с решением – за коробкой придут ровно через год со дня её помещения, т.е. 31 октября 2003 года. Конечно, все материалы тогда пропадут всуе, но, по крайней мере, они окажутся в руках людей, уверенных в том, что всё это – не бред сумасшедшего, пусть они решают, что делать дальше.

Искренне твой,
Вильям Томсон».

Тьма в комнате сгустилась, за окном тихо хлюпал вечер. Вечер 30 октября. Что ж, надо лечь пораньше, встать тоже пораньше... интересно, во сколько открывается банк? Кажется, в 7:30. Джон поднял трубку допотопного телефона и попросил милый женский голос на рецепции разбудить его в семь утра. Достаточно времени, чтобы прочесть о пресловутых четырёх встречах – если он вообще через них прогрызётся – и сбить возню тем, кому она интересна.

Гостиница имела махонький рестораник – всего четыре стола, не больше 20 мест. Зато еда была замечательная, чувствовалось, что хозяевам приходилось бороться за выживание. Возвратившись в свою уже прогретую комнатку, Джон обнаружил, что огонь в камине был зажжён заново, пламя вырывалось из-под свежих наружных поленьев и тянулось с лёгким гудением вверх, к трубе. На всякий случай прислонив руку к радиатору под окном, Джон усмехнулся: оно, конечно, романтично донельзя – огонь в камине, – но тепло шло от радиатора. Щедро плеснув себе виски из давешней бутылки, предусмотрительно оставленной горничной на комод, Джон уселся в кресло, открыл уже известный фолиант, перевернул первую страницу с предисловием и начал читать.

1.

С м-ром и м-с Маршалл я познакомился на одном из традиционных университетских приёмов, ежегодно устраиваемых в честь спонсоров. Обычно я туда не ходил, но мой научный руководитель шепнул, что на этот раз придёт и тот господин, который особенно поддерживал мою работу. К тому времени я как раз написал статью – венец шестилетних исследований, поднявшую бурю в стакане специалистов, хе-хе. Мне пришлось привлечь множество трудно-доступных исторических документов, часть из которых хранилась в закрытых, другая часть – в частных архивах. Вопреки ожиданиям я получил их без долгой проволочки, и уже тогда научный руководитель намекал мне, что моя работа, очевидно, интересна кому-то очень влиятельному. Суть статьи заключалась коротко в том, что в жреческой касте, существовавшей в той или иной форме на протяжении тысячелетий у всех народов мира, я усмотрел своего рода психологические, так сказать, особенности. Я задался вопросом о таких особенностях и сформулировал некоторые из них. Поскольку в итоге – после всех моих приключений – выяснилось, что я ошибался, то даже и не стану их упоминать, тем более, что сама статья прилагается.

Итак, я отправился на приём, убедился, что он невероятно скучен, как и предполагалось, моего таинственного благодетеля я так и не увидел, впрочем, я его и не искал. Если ему надо, подумал я, сам меня найдёт, а бегать и спрашивать всех подряд, не зная имени – чистейший идиотизм. Я уже отхлёбывал «прощальное» шампанское, когда ко мне подошла женщина средних лет (кто не встречался с такими дамами, которые могут оказаться и 30-летними с бурной юностью за плечами и хорошо сохранившимися 50-летними?), невысокая, смугловатая, миловидная – но не более того, неброско одетая. Единственное, что действительно отличало её от остальных дам – коса, толстая длинная каштановая коса, которых уже давным-давно не носят. Подозреваю, что из-за этого она выглядела значительно моложе своих лет. «Мистер Томсон?», спросила она. Я кивнул. «Я и мой... супруг следим за Вашей работой», сообщила она с неуловимым акцентом, как бы извиняясь, что меня крайне удивило, «и заинтересованы в том, чтобы Вы её продолжили». Я пялился на неё в растерянности, и она поспешила добавить: «если Вы, конечно, не против». «Простите, миссис...» – «Маршалл» – «...миссис Маршалл, я не против, но, не боясь показаться самоуверенным, смею утверждать, что я учёл все источники, и больше там искать просто нечего». Она улыбнулась, очень мило, но с тенью снисходительности: «все письменные источники, мистер Томсон. Есть ещё и другие». Я уже открыл было рот, чтобы спросить, что именно она имеет в виду – ведь по археологическим находкам сделать заключение о характере человека, ими пользовавшимся или их создавшего, невозможно, необходимы именно описания самого человека, его поступков, свидетельства современников – как она улыбнулась кому-то сзади меня и сказала: «А вот и он», и я обернулся.

Не только у меня захватило дух – практически все в зале смотрели на только что вошедшего мужчину, который царственным кивком поприветствовал всех и никого, после чего публика послушно вернулась к прерванным разговорам, продолжая поглядывать на него уже украдкой. Мало того, что он был чуть ли не на голову выше всех остальных, он был ещё и ошеломляюще красив. До сих я делил мужчин на две категории: уроды и нормальные, причём безотносительно внешности – а тут такое... Честно говоря, я вдруг испугался за собственную сексуальную ориентацию, до тех пор непоколебимо «гетеро». Он не был миловиден, напротив: несмотря на солидный тёмный костюм, белую рубашку, аккуратно причёсанные тёмно-русые волосы, во всём его облике было нечто первобытное, жёсткое, даже жестокое. То ли в грациозности крупного зверя, с которой он направился в нашу сторону, то ли в прищуре не особенно больших глаз под строгими бровями, то ли в надменно выдвинутом тяжёлом подбородке, то ли в глубоких складках, ведущих от крупного носа к углам рта, то ли в ироничной линии мясистых губ... «Альфа²», пронзило меня, абсолютная, высочайшая, неоспоримая, очевидная «альфа», самец-вожак, который при любых прочих условиях будет признаваться всеми самками вождём, а самцами – достойным подчинения, объектом восхищения, уважения, служения. Вовсе не в красоте тут дело... И я – вроде цивилизованный человек, живущий интеллектом, а не эмоциями и вовсе уж не инстинктами – так легко повёлся на глубочайшие животные порывы. Стыдно, стыдно... одно успокоение: повелись все.

Рассержен сам на себя, я повернулся к миссис Маршалл, которая, оказывается, всё время наблюдала за мной, как-то уж чересчур понимающе улыбаясь. «Простите...», начал было я, но тут над моей головой тихо пророкотал густой баритон: «Мистер Томсон?», и миссис

Маршалл кивнула, а я развернулся, чтобы увидеть жёсткий стоячий воротник рубашки. Рост, однако... Прежде чем обратиться ко мне, великан чмокнул в щёку свою жену – рядом с ним внезапно хрупкую как былинка – потом протянул мне руку: «Артур Маршалл». Ирония на его лице сменилась вполне искренней, даже сердечной улыбкой, и я невольно улыбнулся в ответ, пожимая крепкую ладонь с неожиданно длинными артистичными пальцами. Борясь с робостью, которую этот здоровенный мужик порождал во мне вопреки моей воле, я сострил: «Маршалл? Почти *Dux Bellorum*». Улыбка его стала вдруг меланхоличной, – я подумал, что эту глупость он наверняка слышал не раз, – «Почему же „почти“? *Dux Bellorum*, Пэндрэйгн, Ворттайгрн, Маршалл³ – всё одно и то же», сказал он с тем же акцентом, что и его жена, только более явным, и я опознал типичное гортанное произношение валлийцев. Странно это прозвучало, на одно мгновение мне показалось, что он говорит не о словах, а о самом себе, причём зная заранее, что никто ему не поверит. Впечатление усилилось ещё и тем, что именно такой, с позволения сказать, экземпляр, обладал всеми внешними чертами вожака, вождя на иерархической верхушке полудиких разрозненных кланов на стыке 5 и 6 веков. Пока я переваривал собственные чувства, великан обнял свою жену за плечи и спросил меня: «Вы согласны?» Я потряс головой: о чём это он? «Мо... миссис Маршалл ведь уже сказала Вам, о чём речь? О продолжении работы с новыми источниками? Вы согласны?» Это проглоченное «Мо...» мгновенно ассоциировалось у меня с другим именем из той же серии легенд: Моргана, сводная сестра короля Артура, его роковая любовница и вечная противница – и я понял, что имею дело с двумя чокнутыми, потерявшими из виду грань между фантазией и реальностью, искренне мнящими себя персонажами древних мифов или настолько увлечшимися игрой, что продолжают её где ни попадя. Видимо, это всё проявилось достаточно отчётливо на моём лице, потому что «Мо» положила ладонь на мою руку, держащую фужер с шампанским. «Мистер Томсон, мы располагаем обширными материалами по жречеству, теми доказательствами, которых Вам не хватило, чтобы сформулировать правильные выводы. Мы интересуемся историей, как Вы, очевидно, догадались» – тут она улыбнулась, как бы в ответ на моё подозрение – «и имеем возможность коллекционировать разнообразные артефакты, которые мы готовы предоставить в Ваше распоряжение. Согласны ли Вы продолжить работу?» Чокнутые или увлечённые фантазёры, они действительно могли обладать интересными источниками – при том-то влиянии, которое так облегчило мне работу (я совершенно не сомневался, что именно чета Маршалл обеспечила мне попутный ветер), и я согласился. «Мы знаем, где Вы живёте, мистер Томсон», сообщил Артур Маршалл, «будьте готовы завтра пополудни, мы заберём Вас. Вы будете отсутствовать 2 недели, оповестите Ваших коллег». Вот так, как приказ, не терпящий возражений, не привыкший к ослушанию, и меня не оставляло впечатление, что под «мо» м-р Маршалл имел в виду одного себя. «Да, *сайер*», не удержался я от иронии, на что м-р Маршалл ухмыльнулся: «Правильно было бы „милорд“. Всего доброго, *сэр Вильям*» Он уже было развернулся к выходу, демонстративно обнимая свою жену за плечи под шквалом восторженно-завистливых взглядов дам, когда я спросил: «куда мы едем?» Миссис Маршалл обернулась и произнесла как деликатную шутку: «Авалон». Может, они и не чокнутые вовсе, – подумал я, вместе со всем залом провожая взглядом удаляющуюся пару, – просто находят особое удовольствие в том, чтобы пошутить над чересчур впечатлительными мифологами.

2.

«Мо» означало всё-таки их обоих. В указанный час к моему дому подъехало такси, и я окончательно успокоился – поездка на 2 недели в неизвестное место к неизвестным людям начала мне казаться полной дуростью, как только пара вчера покинула зал. Да и согласился я, наверное, тоже под давлением инстинктов. Порасспросив коллег, я ещё вчера выяснил, что миссис Маршалл уже лет 20 регулярно посещала университетскую библиотеку, отбирая книги и научные статьи по психологии, физиологии, биологии, истории... В библиотечной карточке был адрес и телефон, и я тут же позвонил по указанному номеру, на другом конце провода мне представились «резиденция Маршалл» – и я положил трубку. «Резиденция» располагалась в соседнем городке, часах в 2х неторопливой езды. Этот адрес и телефон я и оставил своей домохозяйке – на всякий случай, а, увидев такси, попросил её записать номер и вечером проверить, совпал ли конечный адрес с адресом из библиотечной карточки. Хозяйка удивилась, конечно, но пообещала исполнить просьбу. Эти меры показались мне достаточными, против чего – я и сам не мог сказать.

Машина была огромной, с двумя обращёнными друг к другу рядами сидений в отделённом от шофёра пассажирском салоне. Это успокоило меня ещё больше – такие лимузины заказываются явно не часто, ещё проще установить цель поездки. Миссис Маршалл поприветствовала меня виноватой (мне так показалось) улыбкой, мистер Маршалл молча кивнул. Уже в пути я обратил внимание на то, что ему нездоровится, он сидел мрачный и какой-то серо-зелёный, но на тревожные взгляды супруги отвечал успокаивающей короткой ухмылкой. Один раз он буркнул нечто нечленораздельное – мне показалось, что его начала сердить чрезмерная забота жены, и я уже готов был вступить за неё, – однако, она тихо рассмеялась и одарила его полным нежности взглядом, а он слегка пожал её руку рядом на сиденье, которую всё дорогу прикрывала его длинная ладонь. Да... я хоть и читаю бегло на кимри⁴, но живая речь осталась мне малодоступна. Беседа между мной и миссис Маршалл текла неторопливо, даже полусонно – в полном соответствии с серой дождливой погодой за окном автомобиля. Она поинтересовалась, почему я решил освятить деятельность священнослужителей именно в выбранном мною аспекте, и я – как любой исследователь, которому предоставляют возможность говорить на любимую тему – посвятил её и в историю, и в предысторию моей работы. В конце концов, я, конечно, спохватился – настала моя очередь виновато улыбаться – и спросил, чем ей – им – так интересна эта тема.

– Я хочу восстановить институт жречества, – сообщила миссис Маршалл, и улыбнувшись в ответ на мой недоумённый взгляд, пояснила, – а Ваша работа позволяет сформулировать мне те требования, которые должны предъявляться к претенденткам.

– К претенденткам?

– Именно, мистер Томсон. Вы упустили одну важную деталь, впрочем, не по своей вине. Одно время это считалось настолько само собой разумеющимся, что нигде не упоминалось специально, потом... потом было искажено, где только оказалось возможным.

– И у Вас есть доказательства? – Я не знал, верить ей или нет, ввиду уверенности в её голосе во мне опять проснулись сомнения в её психическом здоровье. Видимо, она почувствовала это, потому что смущённо улыбнулась.

– Это не доказательство в строгом смысле. Но иллюстрация, если хотите. Надеюсь, что увидев один раз всё своими глазами, Вы начнёте читать уже знакомые тексты под другим углом – и там уже найдёте строгие доказательства.

– Что за ,иллюстрация’?

– Мы покажем Вам – тут м-р Маршалл опять буркнул, я разобрал только нечто похожее на ,видеть’, но мс-с Маршалл улыбнулась ему вместо ответа – в чём заключалась роль и как проявлялось влияние жрицы. Ваша задача – сформулировать увиденное в современных терминах так, чтобы любая женщина, обладающая хотя бы зачатками необходимых признаков, опознала их в Вашем описании.

– Если Вы можете ,показать’, почему Вы не можете сформулировать? Более того, что мешает Вам самим ,опознать’? И почему именно я?

– Потому что Вы наиболее близко подошли к формулировке, мистер Томсон. Зачем начинать издали, если можно воспользоваться уже сделанным. Впрочем, мы уже почти прибыли.

Я отметил про себя, что мс-с Маршалл опустила первые вопросы – преднамеренно ли, нет ли, неизвестно, потому что машина остановилась возле небольшого пансионата с ресторанчиком на окраине того самого городка из библиотечной карточки. Я выбрался из машины, подал руку мс-с Маршалл, пока её муж расплачивался с шофёром, и в это время из пансионата вышел щекастый краснолицый толстяк, шумно и бесцеремонно обнял хрупкую миссис, затем почтительно склонил голову перед сдержанно улыбнувшимся Артуром Маршаллом, вышедшим из машины и отпустившим шофёра. Толстяк что-то пророкотал на кимри, и я заметил на себе пристальный взгляд м-ра Маршалла, ответившего мне снисходительной усмешкой. Потом прозвучало моё имя, и толстяк перешёл на английский, вполне удобоваримый несмотря на страшный акцент. «Лагфаэт я, мистер Томсон», представился он, «Вы ездите верхом?» – «Н-нет», пробормотал я в растерянности, «тогда я выдам Вам Ночку – она самая спокойная и ход у неё мягкий, как раз для нетренированных, э... седалищ». Тем временем мы обошли пансионат и оказались на заднем дворе у конюшни. «Всё подготовлено, мистер Маршалл, как велено – кони накормлены, начищены», пророкотал толстяк, «ждут Вас не дождутся», и скрылся в конюшне. «Дальше мы поедем верхом»,

пояснила миссис Маршалл, я взглянул недоумённо в сторону удалившегося такси, женщина опять улыбнулась виновато, «дорога к нам не проложена, но это недалеко, минут 20». Толстяк вывел коней одного за другим. Сначала – огромного чёрного жеребца, тихо заржавшего и склонившего морду к лицу Артура Маршалла, который, потрепав коня за холку, вскочил одним движением в седло – и, казалось, слился со зверем воедино: не знаю, чему повиновался жеребец, послушно отойдя в сторону и застыв там в ожидании, – Маршалл не сказал ни слова, не шевельнул ни рукой, держащей узду, ни ногами в стремянах. Потом – грациозную серую кобылку, узнавшую хозяйку и с готовностью подогнувшую передние ноги, чтобы маленькой миссис удобнее было сесть в седло. И, наконец, тёмно-серую лошадку со звездообразным белым пятном на лбу – для меня. «Как на велосипед», подсказал м-р Лагфэзт, «на велосипеде-то Вы ездите?» Он потянул Ночку за узду, и та покорно свалилась на передние, потом на задние ноги, после чего и мне удалось устроиться в седле. «Держитесь вот здесь», показал Лагфэзт на передний довольно высокий выступ седла, «узду держите – но не тяните, Ночка пойдёт за Блэком куда угодно, так что Вам и не придётся её направлять». Блэком, надо думать, звали Маршаллового жеребца. «Благодарю», произнёс м-р Маршалл неожиданно сердечно, «спасибо, Гвайдн» вторила мс-с Маршалл, которая тем временем приняла большой пакет от горничной пансиона, после этого опять скрывшейся в доме, я тоже пробормотал свои благодарности, и лошади тронулись, опять же, без единого слова приказа.

Дорога вела на холм, под которым простиралась покрытая густым туманом долина, за ней виднелась верхушка следующего холма, еле различимая на фоне низких серых туч. Хоть дождь перестал, и то спасибо. Следуя грунтовой дороге, процессия спустилась с холма – прямо в туман, в котором я смутно различал только тёмный силуэт Маршалла чуть правее и впереди от меня и более отчётливо – миссис Маршалл рядом со мной слева. Какое-то тревожное молчание было в этом совершенно плотном тумане, в котором все движения ощущались замедленными, как под водой. «Почему Блэк, а не Лламрай?», спросил я у Артура Маршалла, чтобы разрядить гнетущее чувство. Лица его я не видел, но в его голосе слышалось раздражение: «У меня никогда не было коня по имени Лламрай, и – если уж на то пошло – не было и пса по имени Кабал». И опять мне почудилась двойственность в его словах: то ли неизбежные намёки надоели ему донельзя, то ли так намертво прилипшие к имени короля Артура лживые подробности. Так что я проглотил сидевшую на кончике языка шутку насчёт Эскалибура⁵. Грунт под нами начал подниматься, туман постепенно стал прозрачнее и где-то впереди даже промелькнуло солнце, я распознал внизу траву высотой аж до стремян, потом перед нами открылась опушка леса в блеклом свете заходящего солнца, проникавшего сквозь остатки тумана над ней, с громоздким каменным домом перед стеной деревьев, позади нас расправляющаяся трава закрывала тёмный след, уходящий в синевато-серую мглу. И тут Артур Маршалл начал медленно падать вбок.

Неожиданным резким движением миссис Маршалл дёрнула мою зверюгу за узду, что-то рывкнула, лошадь припустила вперёд, «К дому, к дому!» закричала миссис Маршалл мне вслед – как будто я мог повелевать зверю под моим несчастным задом, я обернулся и увидел, как Блэк поднимался на ноги, очевидно опустив всадника на землю, миссис Маршалл склонилась над тёмной фигурой в примятой траве, разрывая, как мне показалось, рубашку на муже. Ночка вдруг остановилась, я чудом не вывалился из седла и остался сидеть дурак дураком, не имея ни малейшего понятия, как слезать с такой махины. «Э-э...», забормотал я и лошадь, фыркнув, опустилась на передние ноги. «Спасибо!» вырвалось у меня, я соскочил и помчался к дому, шагах в сорока впереди – к людям, к телефону, за помощью. От первого удара кулаком дверь неожиданно поддалась, как бы и не запертая вовсе, я вломился в тёмное помещение, стал шарить рукой по стенам в поисках выключателя, ничего не нашёл, наткнувшись на какую-то мебель, кинулся к окну, выделявшемуся в темноте тусклой полосой между ставнями, нащупал стекло... и когда я обернулся, ища телефон, в дверях напротив меня рядом со своей улыбающейся супругой стоял невредимый мистер Маршалл в застёгнутой по горло рубашке и, склонив голову к плечу, наблюдал за мной. «Телефон я ищу!» объяснил я, вдруг чрезвычайно пристыженный. «Нет здесь телефона», невозмутимо сказал м-р Маршалл, «коней отведу», бросил он жене, развернулся и ушёл.

– Присядьте, мистер Томсон, пока я разведу огонь – предложила миссис Маршалл и подошла к огромному камину из крупных грубо обтёсанных камней. Я послушно присел в одно из резных кресел «под старину» возле такого же деревянного стола и осмотрелся.

Собственно, многого в этом помещении не было. Белёные стены, низкий чёрный потолок с массивными поперечными балками, три окна в стене напротив входа, две тяжёлые двери по

обеим сторонам камина, у противоположной стены – большущий комод справа от ещё одной такой же солидной двери, на нём – стопы книг, пара раскрыта, закладки в нескольких закрытых. На первый взгляд довольно старых книг, но я не решился посмотреть поближе. Посередине комнаты – огромный стол с дюжиной кресел вокруг него. Ни одного выключателя, ни одной лампочки, ни радио, ни телевизора. Никакого телефона. Зато в углу за входной дверью, на шкафу высотой, пожалуй, по грудь миссис Маршалл – множество свечей, новых и наполовину выгоревших, толстых и потоньше, в подсвечниках и без. Огонь в камине разгорелся быстро и весело, миссис Маршалл открыла остальные ставни, впустив сырой воздух через раскрытые на мгновение створки, и блеклый солнечный свет. Мистер Маршалл внёс давешний пакет, развернул его на столе, и из вороха бумаги, из глиняной посуды вырвался аромат еды, да так, что у меня закружилась голова, как будто я не ел день или два. Из шкафа в углу были вынуты тарелки, приборы, стаканы и бутылка вина. Я поёжился от холода – от камина хотя и шло тепло, но после путешествия в тумане мне казалось, что я продрог до костей.

– Вина я Вам не предложу, – сообщил м-р Маршалл, иначе Вы мне тут сразу заснёте. – Морган! – бросил он через плечо. Я даже не удивился.

– Несу, – ответила мс-с Маршалл и вручила ему громоздкую кофемолку, распространяющую тонкий аромат кофе, усиливавшийся по мере того, как м-р Маршалл быстро поворачивал рычаг. Я вдруг понял, что чрезвычайно устал, что глаза мои горят и мысли путаются...

Очевидно, я всё-таки вздремнул, потому что очнулся я оттого, что кто-то мягко теребил меня за плечо и голос мс-с Маршалл произнёс: «Мистер Томсон. Кофе». Я сидел в том же кресле, но уже укрытый толстым вязанным пледом, на столе предо мной дымилась чашка кофе, за окном было серо, но не от дождя или тумана, а от заходящего солнца, и со двора доносились ритмичные удары топора... Сгорая от стыда, я пробормотал извинения, добавил, не знаю, мол, что это со мной случилось, Морган мягко улыбнулась, сказала, ничего страшного, и крикнула: «Артур!» Стук топора прекратился, и Артур вошёл в дом, застёгивая на ходу рубашку. Красивое у него было тело, мускулистое, но не раздутое, а скорее жилистое. «Самец», подавил я неуместное восхищение, а вслух спросил: «Откуда это?», кивнув на мелькнувший под рубашкой белый шрам размером с ладонь и с рваными краями под левым плечом. Ещё один шрам – продолговатый шириною в два пальца начинался на правом боку и убежал вниз под ремень джинсов. Не считая нескольких более тонких следов не то порезов, не то глубоких царапин. Он на мгновение застыл, взглянул на меня исподлобья, потом опять принялся за пуговицы. Застёгнув рубашку до горла, он уселся к столу. «Скажите Вы мне – Вы ведь всё про меня знаете», произнёс он с вызовом. «Опять игра», подумал я. Морган расставила посуду и скрылась за дверью справа от камина, но еды пока видно не было... что ж, поиграем.

– Верхний шрам, должно быть, от удара копьём, от Модреда, у Камлана.

– Нет, – спокойно возразил м-р Маршалл. – *Медрауд* был ранен у Камлана, защищая своего друга. Оба, кстати, выжили, и шрам, конечно не оттуда. Дальше.

Охота играть пропала, больно уж серьёзно он отвечал.

– Дальше я не знаю. Самое раннее документированное упоминание – «Артур и Модред пали у Камлана⁶» – относится к 10 веку.

– Конечно, – произнёс Маршалл презрительно. – Артур считался предателем, безбожником, кровосмесителем, которого следовало поскорее забыть, но так и не удалось. Хотя единственный его грех в том, что он самозванец.

– Погодите, погодите... Как безбожник? Как предатель? Почему самозванец?..

Мистер Маршалл усмехнулся.

– И Вы поверите каждому моему слову.

– Почему нет. Считайте, что я верю. Излейте душу.

– Кому это надо?.. У Вас – свой Артур, у нас – свой.

– Просто интересно, какого ‚Артура‘ можно ещё состряпать по тем же источникам.

– Ну, ‚источников‘ у меня, скажем больше. Гораздо интереснее понять, как можно перевернуть всё с ног на голову, опираясь на реальные факты.

– Фактов-то у историков обычно и нет – есть свидетельства о фактах, письменные или материальные. Тексты содержат личные интерпретации авторов, а историку приходится ре-

шать, что вымысел, а что – святая истина. Так что, искажения неизбежны. Простор фантазии ограничен только объективной реальностью, как её себе представляли свидетели, как мы её себе представляем сейчас. Могло – не могло физически произойти то-то и то-то. Люди-то не изменились и законы природы всё те же. Впрочем, – спохватился я, – всё это и так общеизвестно.

Дверь открылась, Морган внесла давешнюю посудину, поставила на стол, пригласила к еде. Чувство голода опять ошеломило меня и заставило забыть всё вокруг. Сочувственная улыбка мс-с Маршалл и редкие пронизывающие взгляды м-ра Маршалла несколько не помешали мне уплести огромную порцию тушёного мяса с картошкой. Наевшись и поблагодарив, приподняв стакан в честь хозяев, я отхлебнул налитого мне теперь вина. Густо-бордовое, ароматное, приятно терпкое. Сонливость от него не появилась, напротив, я чувствовал себя свежо и бодро, хотя за окном явно начинало темнеть, и мс-с Маршалл уже зажгла полторы дюжины свечей в разлапистом подсвечнике на краю стола.

– Приступим к работе? – спросил я, потирая руки.

– Нет, мистер Томсон, – улыбнулась Морган.

Я пялился на неё в полном недоумении: настолько поздно наверняка ещё не было, можно было бы и начать, хотя бы бросить первый взгляд на упомянутые ‚иллюстрации‘...

– Сейчас Вы отправитесь домой, мистер Томсон, – вступил Маршалл, – и пока Вы не убедитесь в том, что всё происшедшее здесь с Вами – реальность, нам не о чем разговаривать.

– Я и сейчас знаю, что это реальность! – возразил я.

– Сейчас – да. Если Вы останетесь при том же мнении по возвращении домой – мы ещё встретимся. Вы помните, какого числа мы уехали?

Я потряс головой в замешательстве:

– Сегодня в полдень, 25 марта – год Вам нужен?

Маршалл не обратил внимания на иронию:

– 25 апреля мы приедем за Вами. Захотите – вернёмся сюда. Нет – значит, нет. Идёмте, я проведу вас через... долину. Мистер Лагфаэт отвезёт Вас домой.

Он встал, не оставляя мне никакой другой возможности, кроме как последовать его примеру. Я растерянно обернулся к миссис Маршалл, которая улыбнулась и сказала:

– Я уверена, мы ещё увидимся, мистер Томсон.

В полном молчании я взобрался на услужливо присевшую Ночку, в полном молчании проплыл через чёрный как угольная пыль туман, хотя всё дорогу меня трясла нервная дрожь, Маршалла я только подозревал справа от себя, кроме фырканья лошадей не раздалось ни одного звука – пока копыта не застучали по грунтовке и впереди не показались огни на фоне не такого уж и тёмного неба. Я обернулся: с этой стороны туман казался вовсе не чёрным, просто густо-серым. Воистину, у страха глаза велики. Маршалл тихо гукнул что-то своему коню, и тот вырвался вперёд, перешёл на резвую рысь, Ночка припустила за ним, заставив меня судорожно схватиться за выступ седла и добив моё несчастное седалище за пару минут хода до пансиона. Не спешиваясь, м-р Маршалл стукнул в заднюю дверь здания, м-р Лагфаэт вышел во двор, и, не сказав ни слова, помог мне сойти с лошади. «Я её держу, мистер Маршалл», обратился он к моему неприветливому хозяину, крепко ухватив узды Ночки, «можете отправляться». К моему удивлению, Артур Маршалл снизошёл до того, чтобы обратиться ко мне, причём неожиданно мягко: «Мистер Томсон. Не обессудьте. В следующий раз Вы получите ответы на любые вопросы, даю Вам слово. Если Вы согласитесь к нам вернуться. До свидания. До свидания, Гвайдн», кинул он Лагфаэту и, развернув коня на задних ногах, рванул обратно во тьму.

– Куда Вас отвезти, мистер Томсон? – Спросил меня Лагфаэт, также как и я, провожая взглядом растворившегося в надвигающейся ночи кентавра.

Я назвал ему свой адрес, предложил вызвать такси, предварительно поинтересовавшись, есть ли у него телефон. Он ответил, что для мистера Маршалла он сделает всё, что угодно и, многозначительно поигрывая бровями, добавил: мол, его жена тоже готова отпустить его хоть на всю ночь, если мистер Маршалл об этом попросит. Он отвёл Ночку в конюшню, выкатил из соседнего гаража старенький «Форд», сам устроился за рулём.

– Значит, Вы давно знакомы с Маршаллами? – спросил я, когда машина отправилась.

– Сколько я себя помню, мистер, – ответил Лагфаэт совершенно серьёзно, и, увидев мой изумлённый взгляд, добавил: – Уверяю Вас, если мистер Маршалл говорит: так надо, – значит так оно и надо. Он человек слова, уж я-то знаю.

Все они тут чокнутые, пронеслось у меня в голове, но на всякий случай решил спросить: мало ли что, может Лагфаэт только выглядит на жизнерадостные 60, может ему не больше 50, тогда не исключено, что он с детства знаком с Маршаллом, тянувшим от силы на 45, как и его жена. Ответ Лагфаэта обескуражил меня ещё больше.

– Видите ли, мистер Томсон, – сказал толстяк, вдруг перестав улыбаться, – если мистер Маршалл сказал ,в следующий раз', значит, так этому и быть. Вернётесь к нам – спрашивайте. А пока наслаждайтесь музыкой, – кивнул он в сторону радио.

Я не стал включать приёмник, откинулся на сиденье и таращился всю дорогу на пролетающие за окном огни.

3.

Сухо распрощавшись с Лагфаэтом у дверей моего дома, я потихоньку открыл дверь собственным ключом и осторожно пробрался мимо спальни моей домохозяйки – в этот поздний час мне не хотелось объясняться, почему я вдруг вернулся в тот же день вместо обещанных двух недель. Всё равно она меня усекла, «Мистер Томсон?», услышал я из-за двери. Отрапортовавшись: «Да, миссис Лири, это я. Спокойной ночи!», полез уже не скрываясь по скрипучей лестнице на верхний этаж, и свалился в постель, не распаковывая вещи и не раздеваясь. «Чёрт», ещё подумал я, «к врачу что ль сходить?» – моя сонливость приобретала настораживающие размеры. Проснулся, как обычно, за пару минут до будильника – впрочем, он и не прозвенел, если не я сам, то предусмотрительная миссис Лири отключила его наверняка. Однако, голова была тяжелая как после солидной попойки, и я остался несказанно благодарен мс-с Лири за то, что она удержалась от вопросов о моём неудавшемся путешествии. Похлёбывая чай за завтраком, я лениво листал газету. Одна заметка привлекла моё внимание: рецензия на концерт в местной ратуше. На этот концерт я собирался пойти, у меня даже был припасён билет – редкий случай, что я купил билет заранее, но пресловутый концерт должен был бы быть единственным в нашем городке... Я посмотрел на дату рецензии: 3 апреля. Тряся головой, я взглянул на дату самой газеты: четверг, 5 апреля. Я почувствовал, как меня повело, руки неожиданно затряслись, и к горлу подступила тошнота.

Отодвинув злосчастную газету подальше, глубоко подышав, я бодренько крикнул в кухню: «Миссис Лири?! Какое у нас сегодня число?» Миссис Лири оказалась в дверях: «5 апреля», сообщила она, глупо мигая. Наверное, такое же лицо было у меня, когда м-р Маршалл спросил меня о дате... «А что такое?», любопытствовала мс-с Лири. «Ничего, просто вдруг засомневался, 5 или уже 6», соврал я. «Пятое, мистер Томсон, пятое», проворчала она и удалилась на кухню. На подгибающихся ногах я вернулся в свою комнату, достал лист бумаги, ручку – она выпрыгнула из дрожащих рук, и я долго искал её под столом. Некоторое время я посидел с закрытыми глазами, прогоняя шальные, громоздящиеся друг на друга мысли. Потом начал читать. Уехал я в воскресенье 25 марта, в полдень. Вернулся примерно в полночь с 4 на 5 апреля. 2,5 часа – дорога туда, столько же – обратно. У Маршаллов я провёл... сколько же? Бодрствовал я часа 2 – 3 от силы. Правда, я ещё заснул. Но не проспал же я 10 дней?!!! Тем более, сидя в кресле, да ещё и в той же самой позе?!!! Я ж наверняка почувствовал бы – шея бы затекла, спину ломило бы... Нет-нет, я не мог проспать больше получаса, очень щедро – час, пусть даже два. Как ни крути, для меня поездка длилась не более 10 часов. А отсутствовал я больше 10 суток... Давя надвигающуюся панику, я опять спустился вниз и невинно поинтересовался у мс-с Лири, что же она делала без меня. Мс-с Лири с готовностью поделилась впечатлениями. На неделю приезжала её дочка с мужем и с внуками, «Вы не беспокойтесь, мистер Томсон, в Вашей комнате ночевали взрослые, я шкафы заперла, а потом всё-всё убрала, надеюсь, Вы всё нашли на своих местах», ...я растерянно кивнул... Кроме того, мс-с Лири позволила себе маленький сабантуйчик – «только для дам, м-р Томсон, всё очень солидно и мило, как приличествует вдовам»... я натужно ослабил и поплёлся обратно к себе, плюхнулся на кровать, сжал плывущую голову руками. 10 часов – 10 дней... 30 часов – 30 дней... 300 часов – 300 дней, почти год...

тогда уж 2 недели – год... месяц – 2 года... год – 25 лет... если Маршаллам хотя бы по 40 лет, то им по-нашему – не менее... не менее...

Я потряс головой. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Причина, очевидно, в странной сонливости. Что-то я подцепил. Что-то редкое, но не необычное: случаи выпадения памяти, субъективной потери времени медицине, вроде, известны. Я схватил телефонный справочник и начал судорожно листать. А-бэ-вэ- врачи-гинекологи-офтальмологи-психиатры. Я выбрал фамилию с наибольшим количеством титулов, кроме того, др. проф. Витхэлл ещё и руководил психиатрическим отделом университетской клиники. Приёмные часы? Отлично, по четвергам – ближе к вечеру, значит, сейчас он должен быть в клинике. Я не решился садиться за руль, вызвал такси. Через полчаса я уже бушевал в приёмной доктора, чуть было не получил успокаивающий укол, сдался, сжался на стуле в углу, грея ледяные руки между трясущихся колен, дожидаясь его возвращения с обхода. Надо полагать, вид у меня был соответствующий, потому что доктор сразу же пригласил меня в свой кабинет.

Да, такие случаи известны. Сонливость, говорите? Такой симптом ему не знаком, но мало ли что может быть. Пару обследований можно провести прямо сейчас – тем и хорош университет, хе-хе, что здесь готовы исследовать всё подряд, даже самые э... э... неординарные случаи. Нет-нет, не беспокойтесь, вылечим мы Вас, и память вернём... Я смотрел на него преданными собачьим глазами, покорно следовал за белым халатом спасителя по длинным коридорам, смиренно усаживался, укладывался в какие-то большие и малые машины, безропотно позволял светить себе в глаза, стучать по коленям, колоть иглами, сжимать голову громоздкими конструкциями, выносил то жужжание, то гудение – всего я уже и не помню. Время от времени др.Витхэлл покидал помещение, ввергая меня в слезливую панику, но неизменно возвращался то с одним коллегой, то с другим. В конце концов, мы вернулись в его кабинет. Его ласковый голос обнадёжил меня и несколько успокоил. Он называл какие-то мудрёные процессы в не менее мудрёных частях мозга, но чем чаще он сдабривал свою речь специальной терминологией, тем яснее становилось мне, что он понятия не имеет, *почему* всё это происходит. Как только это до меня дошло, возбуждение сменилось усталостью. Нечего мне тут искать, понял я, инфекции не нашли, а из профессиональной абракадабры я вынес главное: замедленный, но на глазах нормализующийся обмен веществ вполне может быть причиной необычной сонливости, повышенная активность мозга на этом фоне – причиной субъективных 'сдвигов времени'. Я сухо поблагодарил др.проф.-а, попросил выдать мне все результаты обследований, пообещал строго соблюсти его рекомендации – спать, отдыхать, ни в коем случае не переутомляться, дать организму самому вернуться в нормальный ритм, – забрал пачку заключений и обязался появиться через три дня для контроля.

День уже клонился к вечеру, я с опаской глянул на табло над входом почты, мимо которой проезжало такси. Всё ещё пятое апреля, того же самого года, четверг, 16:43. От обеда я отказался – замедленный обмен, как-никак, – успешно избежав расспросов встревоженной мс-с Лири, вернулся к себе, упал на кровать – и заснул. Проснувшись на следующее утро опять до будильника, я первым делом включил радио. Диктор уверил меня в том, что сегодня – согласно моим надеждам и календарю – 6 апреля. На работу мне было выходить в следующий понедельник, 9 апреля: следуя совету – нет, приказу – предусмотрительного м-ра Маршалла, я взял отпуск на две недели. Эта надменная скотина знала, что со мной будет. Впрочем, почему скотина? Он отвёл мне достаточно времени, чтобы прийти в себя. Мысли мои, не скованные повседневными обязанностями, подбадриваемые советом доктора «дать организму самому справиться», закружились вокруг Маршаллов и их не то шуток, не то намёков.

Я снова подсчитал, уже аккуратнее, соотношение «того» и «этого» времени. За вычетом дороги, принимая Маршаллов за 50-летних (хорошо сохранившихся, усмехнулся я), я получил их «тутошний» возраст. Порядка 1500 лет. Замечательно! Другими словами, я вполне мог иметь дело с настоящим королём Артуром. Впрочем, м-р Маршалл назвал его самозванцем. Нечто новое, однако. В любом случае, Артур Маршалл мог оказаться современником легендарного короля. Ох, какие неоглядные перспективы открывались! Какие необъятные сокровища знаний, свидетельств – интересно, вещи в том доме такие же старые? Воодушевление моё погасло. Мебель «под старину» вполне могла происходить хоть из 10 века – по-нашему, – но там ей было не более 3-5 лет, судя по виду. Дешёвая подделка даже для подслеповатого антиквара, не говоря уж о серьёзной науке. Если у Маршаллов есть древние пергаменты, то пролежали они реально – там – несколько лет. Жалкая имитация, тьфу. Мой «сдвиг по

времени» зарегистрирован по скорости обмена веществ. А какой обмен веществ у мёртвых вещей? Ни один предмет из Маршалловской резиденции – кстати, где эта «резиденция», если в самом доме нет телефона? Не у м-ра Лагфаэта ли – по «эту» сторону? Ни один предмет «оттуда» не может служить вещественным подтверждением. Только сама чета Маршалл, и их рассказы. Что нас возвращает в начало круга: ничего, кроме слов Маршаллов у меня нет и быть не может. Причём только и единственно у меня. Поставь Маршалла перед общественностью – его, скорее всего, запрут в психушку и станут лечить от навязчивых идей. Ляпни я что-нибудь о своих предположениях, поддержки я Маршалла – обеспечено мне тёплое место на государственных харчах в окружении ласковых сестричек, где я до конца своей жизни смогу поклоняться королю Артуру, соседу по палате.

Без особой радости я мысленно похлопал себя по плечу: делясь своими бедами с проф. др.-ом, я элементарно забыл сказать, где и у кого я был, упомянул только, что проявились симптомы в гостях у знакомых, не назвав ни имён, ни места... а ведь пожалуй в месте всё дело! То-то мс-с Маршалл пошутила: «Авалон»... Ё...лки-палки! Как я мог такое упустить!?? Авалон – мифический остров в тумане, остров, где время стоит, где король Артур спит, чтобы вернуться к своему народу в годину смертельной опасности... Ха! Попробовал бы он – его бы растерзали, траншировали, вивесекировали бы – чтоб убедиться, что он – таки он. Был. Потому что это невозможно. Никогда. Физика нам запрещает. Как это я там блеснул? Законы природы всё те же. Так, может, они всё те же и есть – туман, небось так и ползает по долине тысячи лет... В тумане всё дело, наверняка в нём, в неестественно густом, липком, гнетущем тумане, замедляющем все движения – эх, найти бы пару энтузиастов, студентов-физиков с неоскопленной фантазией, да туда, да приборами его, этот неправильный туманище! Я опять сник. Телефона там нет, электричества тоже, да и автомобилем, небось, неслучайно не пользуются. Мы время меряем по свету, на определённую скорость света – и тока – опираются все наши приборы... А если время – другое, скорость света – другая, ток течёт с совсем другой скоростью – что с приборами-то станет? Сдаётся мне, сгорят за милую душу. Не станут они там работать – именно на сдвиге, на границе, в проклятом тумане воссияют они ярким пламенем и почат в бозе мёртвой материей – безо всяческих внутренних процессов, мать их... Стоп, стоп – а я? А кони? А те же Маршаллы? Что это мы не сгораем? Нас-то что спасает? Саморегулирующиеся мы, ответил я себе без особой убеждённости, может, в этом всё и дело... Отсюда туда, ещё в собственном ритме, я и скovyрнулся на «внутреннем» 20-24-36 часу (подсчитать бы надо), проспал свои 5-6-10 часов, которые там пролетели за несколько минут, а жрать-то как хотелось... оттуда сюда – оказался я приторможенным, но восстанавливаюсь, если доктор не врёт. Маршаллы-то – только так и шныряют туда-сюда – впрочем, мистеру это явно не на пользу. А вот миссис всё по плечу – свеженькая, деловитая, ишь ты, «институт жречества» ей восстановить захотелось, жриц найти... которые только женщины... которым и туман нипочём?.. Что ли сама она – жрица? По легендам – да. Морган, жрица, ведунья, колдунья, мерзкий характер, а для равновесия – агнец божий Артур, добр, справедлив, свят донельзя, чисто ясно солнышко... Конь он, а не солнышко. Так зачем миссис Маршалл жрицы?

Я вдруг понял, что настойчиво пытаюсь приписать м-ру Маршаллу всевозможные пороки. То ли потому, что он ну никак не должен был оказаться королём Артуром, просто потому, что это должно быть невозможно – именно так. То ли потому, что м-р Маршалл совершенно вопреки моей воле, пыжащейся оторваться от инстинктов, вызывал во мне какое-то животное преклонение... «На чистую воду их надо вывести, вот что», подумал я. «Забыть всё к чёртовой матери, как кошмарный сон», решил я час спустя. «А вдруг что-то в этом есть?», вопрошал я, укладываясь спать. «Ничего этого быть просто не может», уверял я себя, ворочаясь с боку на бок. «Я вернусь...», плавно закачалось на волнах засыпающего сознания, и прогнать это не было уже никаких сил...

Др. Витхэлл показался мне разочарованным, когда в понедельник после тянувшегося до позднего вечера контроля мой организм был найден в полном порядке. Он предложил мне гипнотические сеансы, чтобы восстановить лакуны в памяти, но я твёрдо отказался. «Если моё сознание считает, что мне стоит это забыть – пусть так и будет. В конце концов, ничего *важного* я не упустил. Постепенно само восстановится – а нет, так нет». Не доказывать же ему, что не в памяти у меня лакуны, а в объективном времени – «складки». Тем более, что я и сам не был до конца уверен. Тем более, что мне уже были обещаны ответы, совсем в другом месте.

25 апреля к моему дому подкатил знакомый «Форд». Выждав для приличия пару минут, я неторопливо вышел и уселся в машину, содержащую одного м-ра Лагфаэта. Вместо приветствия он напыщенно произнёс явно зазубренную фразу.

– Миссис и мистер Маршалл приносят вам свои извинения за возможные неудобства, оказанные прошлым визитом.

– Да ладно уж, – отмахнулся я. Лагфаэт сразу расслабился и заулыбался.

– Вот и хорошо, вот и поладили, мистер Томсон, вы ж поймите, я-то не со зла, только мы уж знаем, что иной раз не всё человеку в голову влезает, да и людишки разные попадаются...

– Уже попадались?

– Были, были, мистер Томсон. Из наших же. Как спрятаться – так просятся, а потом – ой-ё-ёй! И крестные ходы устраивали, и туман поджигали, и святой водой кропили, и проклинали это место сколько раз, – Лагфаэт вдруг рассмеялся – пока м-ру Маршаллу всё не надело, и он им светопреставление не устроил! С тех пор в наши места священник ни ногой, да-да. Ещё хорошо, что внутрь только те проходят, кого миссис Маршалл проведёт – она Вас ждать будет, кстати, так что не волнуйтесь.

– Что за светопреставление?

– О! Велика была забава, скажу я Вам. Подобрали мы с мистером Маршаллом пару верных молодцов, посадили на чёрных жеребцов, мечи в руки, кольчуги на грудь, забрала на нос – и вперёд. Порубали часовенку к ё.. извините, начисто порубали да сожгли, а мистер Маршалл таким гневным голосом, да на латыни, да как загудел на священника – моё, мол, это место, не искушайте, мол, меня, а то оглянуться не успеете, смерды, как всех к себе утащу – и не стало у нас ни священника, ни часовенки. Лет 300 как не стало.

Я уставился на Лагфаэта.

– Т...триста?

– Мы ж потом за туманом отсиживались, почти всей деревней. Иначе пожгли б нас, как хворост. Тогда выходить начали помаленьку, когда миссис Маршалл проверила, стихло ли всё.

– Где ж вы там все помещались? Дом-то маленький...

– Так мы ж народ неприхотливый, мистер Томсон. Нам хоть в хлеву, хоть в шалаше, только от супостатов подальше. А место там есть, полным-полно. Там, через лесок наискосок, монастырь раньше был, миссис Маршалл говорит, женский. Только опустел он. Нет больше таких женщин, которые через туман проходят. Всего десяток бабёнок там и жило. Ну, и миссис Маршалл, конечно, только она уже с мистером Маршаллом, в доме. Дом-то для таких важных персон как раз и выстроили – чтоб монашек не смущали, – хихикнул Лагфаэт. – Так что разместились мы, все сорок голов – больших и малых, не беспокойтесь.

– Мистер Маршалл – важная персона?

– А то ж! Я Вам по секрету скажу, мистер Томсон, а Вы уж меня не продайте, мистер Маршалл таких разговоров больно не любит. Мы – кто его подольше знает – как один думаем, что он король Артур, – произнёс Лагфаэт торжественным шёпотом.

– Да ну! – послушно удивился я.

– Я Вам говорю! Тут ведь не только в имени дело, а в том, каким король быть должен. За таким ведь идти хочется. Служить ему приятно – потому что он тебя не забывает. Мы ж когда вылезать стали, совсем другой мир увидели. Даже язык с трудом понимали. Утекли то мы двести с лишним лет до того. Граф какой-то объявился, говорит, его это земля, проваливайте, хотя там ведь никто селиться не хотел, слухи, они живучи. Миссис Маршалл как об этом узнала, мистеру Маршаллу сказала, тот эту землю у графа купил, а потом нам отдал. Те, кто тогда землю получил, даже дарственные имеют. Ну, и молчат, конечно – всем всего не объяснишь. Только вот зря народец болтает, что мистер Маршалл тогда Эскалибур заложил – эт' точно неправда.

– Почему?

– Я его меч видел – которым он часовенку рубал. Знатное оружие, но неброское. Только тот поймёт, кто им владеет – а графчик щуплый был, он толкового меча с пола не поднял бы. Такой если на что и повёлся – так на камни, золото там, финтифлюшки всякие. А тут – сталь, да рукоятка в коже. Всё.

– Ну и что?

– А ничего, – обиженно глянул Лагфаэт. – Меч мистера Маршалла остался при нём, если мистер Маршалл – король Артур, значит, Эскалибур остался при короле. А если мистер Маршалл говорит, что никакой он не король – значит, не было у него никогда Эскалибура. Как ни верти – графчик что-то другое получил. И народ зря языки чешет. Впрочем, пусть тешатся на старости лет. Мало нас осталось, вымираем помаленьку, только и осталось, что приятное вспоминать, как тут не приукрасить.

– Могли бы и обратно, в монастырь – дольше жили бы.

– От смерти не спрячешься.

– Мистер Маршалл прячется.

Лагфаэт окинул меня презрительным взглядом.

– Мистер Маршалл не прячется. Он тут не жилец. Пара дней, от силы неделя – и он погибать начинает. Только помрёт он – помрёт и миссис Маршалл, а ей ещё жить и жить.

– Все так говорят, а вон, сколько довольных вдов вокруг.

– Вы не понимаете, мистер Томсон, – покачал головой Лагфаэт – да что уж там. Тут столько всего непонятного.

– А Вы объясните.

Он посмотрел оценивающе: способен ли я понять и решил попытаться.

– Любят они друг друга.

– Что ж тут непонятного?

– А то. Нельзя бы им. Они ведь брат с сестрой оказаться могут, по матери.

– Это они Вам так прямо и сказали?

Лагфаэт глянул снисходительно:

– Нет, конечно. Кто ж о таком говорит? Только жена моя всё знает – она из тех, тогдашних монашек. Полюбились мы друг другу, так она со мной и ушла, а попала она туда в году 593 от Рождества Христова – попортили её, она и пошла то место искать, где от стыда избавиться можно. Только вот не все находят, а она нашла. Так она ещё помнит, что за слухи в те времена ходили.

– И что за слухи?

– Так я это Вам и хочу рассказать. Говорили тогда, что Артур перед народом встал и сказал, что не сын он вовсе ни Утру Рэндрэйгону, ни Игрэйне⁷. Что потерялся их сын, а он так просто, подходящим показался. Он и сам поначалу поверил, ну, что он благородный, но правда есть правда. А посему не гоже ему дальше править, да и времена, мол, мирные, настали – и без него справятся. Вот так. Долго не уразумевал никто, что ему в голову взбрело, а спросить-то некого – и Утр, и Игрэйн померли уже. Всё равно его несколько раз подряд опять верховным королём выкрикивали – а он опять, уйти, мол, хочу, не гожусь я по крови. А вот когда он жену в монастырь послала – не, не в этот, в обычный, – а сам Морган в жёны взял – тут-то и начался ропот, да догадки. Тут-то и всплыло, что Морган – дочь Игрэйны от первого мужа. Разозлились на неё – из-за неё ведь короля лишились, не хоти он на ней жениться, стал бы он от родства открещаться. Тогда и от него многие отвернулись – нехорошее это дело, с сестрой лежать. Не дали ему уйти, когда просил, а потом погнали с позором: коль не грех, так самозванец, коль не самозванец – так в грехе ведь живёт, с сестрой. Тогда он и ушёл к своим саксонцам...

Тут я уже не выдержал:

– Что!?

– К саксонцам ушёл – он же им землю дал, так они его любили. Пару лет он у них ещё правил, им-то по х..., извините, всё равно, сын он Пэндрэйгону или нет. А потом у Камлана его же прежние подданные его и подбили...

Мистер Лагфаэт обладал неуёмной фантазией, это было совершенно очевидно. И если я вначале ещё прислушивался к его словам, тут я понял, что ничего, кроме вымысла, они не содержали. И этот бред мне внезапно опротивел.

– Не было у саксонцев короля Артура, мистер Лагфаэт. Ни-ко-гда.

Но Лагфаэт не обиделся и не замолчал.

– Конечно, не было. Артур ведь – когда он ещё ни чьим сыном не считался – звался Кэрдоком. Саксонцы его так и знали, как Кэрдок Фрайфрас⁸, Кэрдок Крепкая Рука, ещё с Бадона⁹. Только языки у них больно неповоротливые, так что они его на свой манер просто Цедриком¹⁰ звали.

Голова пошла кругом: всё что я когда-то знал о короле Артуре, было поставлено с ног на голову. Не то чтобы я был специалистом именно в этой теме, но изучать мне её пришлось, некоторое время она меня особо интересовала, но тогда я ещё склонялся к истории больше чем к мифологии, а с точки зрения историка Артура вполне мог и не существовать. Чем дальше по времени отстоял текст от описываемого периода, тем больше подробностей он содержал. А самое раннее свидетельство – то самое, что я упоминал м-ру Маршаллу – состояло всего из одной-единственной фразы. Все последующие тонны литературы могли свидетельствовать о чём угодно – о времени, о нравах, о вкусах, идеалах их авторов – но только не о самом Артуре. М-р Лагфаэт ещё что-то говорил, но я уже не вмещал информации. Особенно такой, что перевернула к чёртовой матери все прежние представления, разрушила прочный фундамент, на который её можно было бы укладывать по кирпичику.

– ...а тут ещё именно по матери, – бубнил своё мой спутник.

– Тогда правильно погнали, – встрял я, наверняка невпопад. Вот тут Лагфаэт обиделся.

– Вам виднее, мистер. Я человек неучёный – только то знаю, что для жизни нужно. Может, где и написано, что важнее – кто ты есть или что ты делаешь. По мне, Артур хоть рабом беглым будь, а король из него был хоть куда. Моя жена тому свидетель – её родители ещё при нём родились. Потому народ его и любил.

– Так погнали же!

– Народ не гнал. Погнали благородные лорды. Им, видите ли, негоже было ничейному сыну подчиняться, обидно им стало, что кто-то из черни во сто крат благороднее оказался. – Он смачно выругался и на этот раз не попросил прощения.

– Ладно, – сдался я, – может, Вы и правы. Но это всё про Артура, а с миссис и мистером Маршалл Вы как познакомились?

М-р Лагфаэт заметно погрузтел.

– Не поймёте Вы.

– Я постараюсь.

Он долго то хмурился, то вскидывал брови в немой дискуссии с самим собой, я уже собрался сказать, не хочет говорить – не надо, но он решил иначе.

– Папаша мой очень миссис Маршал любил. А мистера Маршалла – уважал. Так мы и выросли, в неременном почитании миссис, которая жила якобы за соседним холмом, через долину сквозь туман. Однажды мы с братьями даже искать её пошли... не нашли никого конечно. Появится, появится, успокаивал нас папаша, я чувствую... Папаша умирал уже, когда они оба пришли – так он у них на руках и скончался. А мы остались, форпостом. Деревня-то уже десятка два дворов насчитывала, а так папаша мой первый там обосновался. Я старший – хоть мне тогда всего 15 годков было – потому он мне перед смертью всё поведал... Нет, говорил, Бога единого, а есть Бог и Богиня, среди нас незаметно ходят, по отдельности их от людей и не отличить – но стоит им сойтись...

– Я неверующий, м-р Лагфаэт, – прервал я его теологический полёт.

– Все мы неверующие, пока что-то не увидим, что в голову не укладывается. У кого голова пошире, поучёнее – в того, конечно, больше влазит... А как приключится такое – все верующие становятся. Одни – своим глазам, другие – тому, что в голове поместилось...

Я с удивлением посмотрел на Лагфаэта: таких премудростей я от него, честно говоря, не ожидал.

– ...вот и папаша мой уверовал – тому, что сам увидел, а не тому, что ему видеть велели.

– И что это было?

– Народ-то везде, конечно христианский был, но Белтайн¹¹ кое-кто праздновал, хоть и проклинали его повсеместно как бесовский шабаш. Кто-то где-то что-то увидел, кому-то рассказал, а как миссис и мистер Маршалл спустя пару месяцев появились, встретили их с благоговением, шёпот пошёл, да и докатился до священника. А у того как раз брат-иезуит проездом остановился, с папашей моим, который при нём уму-разуму учился. Местный-то священник на

всё рукой махал, а вот приезжему святоше приспичило следствие развернуть. Так что схватили миссис и мистера Маршалл и подвергли допросу. Молчали поначалу... к счастью, иезуиту в голову пришло их вместе посадить – покажи, мол, ведьма, как достойного мужа совращала... То, что мистер Маршалл достойный муж, он и сам видел, хотел его к раскаянию подвинуть, кроме плотской слабости ему ничего другого и не вменялось... Что там было, папаша не описывал, сказал только, что потом мистер Маршалл поднялся, как будто и не мучили его день подряд, и повелел его выпустить, и нельзя было не подчиниться, такая в нём была сила... Иезуит было уже клетку отпирать стал, да замешкался. Тут папаша мой иезуита и прибил.

– Так прямо и прибил?

– Угу. Намертво. Клетку открыл, да и бежал с обоими... миссис Маршалл нести пришлось поначалу – она, видать, последние силы мистеру Маршаллу отдала... но у него на руках очухалась, а на прощание даже папашу моего поцеловала, по-настоящему... и возлюбил он её, небесной любовью, так он говорил. Потому и остался жить возле тумана, а потом ещё людишки прибились...

– И Вы поверили?

– Папаше-то? Нет, конечно. Мало ли что человек перед смертью бредит, всему не наверишься. Про Бога Единого Иисуса Христа ведь не чокнутый говорил, а священник в здравом уме, учёный человек. Да и не видели мы до того миссис и мистера Маршалла никогда. А вот когда они появились, да потом ещё и ещё раз, и священник распорядился туман крестным ходом обойти, нечисть, говорил, там живёт – засомневался я. Какая ж они нечисть, если они мамашу мою монетами снабжали? Теми же монетами, что и у папаша время от времени появлялись – когда нас совсем припекало? Выходит, что мы нечисти жизнью обязаны. А если папаша ничего не приврал, то нечисть ещё и благодарная получалась. Так что, когда священник разведал про монеты и все их в огонь покидал, да на туман войной пошёл – я с братьями да с другими молодцами всё же нечисти решил помочь. Это только потом я понял, о чём умолчал мой папаша, когда своими глазами увидел...

– Что?

– Уже там, за туманом, я увидел, что значит 'вместе'...

– Так кто ж теперь мистер и миссис Маршалл – бог с богиней или король Артур с сестрой-женой Морган!?

М-р Лагфаэт посмотрел на меня с сожалением.

– Миссис и мистер Маршалл. Только не простые миссис с мистером, а особенные. А уж дальше – пусть тот думает, у кого лоб пошире.

Мда... столько-то и мне было известно. Машина, послушная трёхсотлетнему Лагфаэту – если он ничего не приврал, усмехнулся я в душе, – плавно остановилась у знакомого здания. На этот раз я обратил внимание на вывеску, размещённую над надписью «Пансион-Ресторан» и еле видную под нависавшей крышей: «Резиденция Маршалл». Что ж, один ответ я уже получил. И то хорошо. Только непонятно, почему это я терзался сомнениями, трепетал в ожидании, ругал себя за доверчивость, подбадривал в себе исследовательский дух – короче, не находил себе места, – три недели подряд, если уже в первые выходные я мог приехать в этот городишко и увидеть вывеску, говорящую саму за себя. Почему я всё-таки уволился с работы, освободил своё жильё у мс-с Лири, сообщив всем и вся, что отправляюсь за границу, рассчитывая пробыть у Маршаллов не менее месяца, то есть лет 10-12? Почему я позволил Лагфаэту залить мне мозги липким киселём бреда, бреда очевидного, несмотря на внутреннюю его логичность? Потому что я действительно перескочил через 10 дней, напомнил я себе.

4.

На этот раз меня удостоили чести пройти в «Резиденцию». Миссис Маршалл я нашёл в уютном маленьком салоне, где она разговаривала с пожилой женщиной за стойкой рецепции. Почему-то мне бросилось в глаза, что сидящая женщина тоже носила косу, так же как и у миссис Маршалл начинавшуюся уже на спине, так что разделённые пробором передние пряди волос скрывали уши. И так же как миссис Маршалл, она носила блузку – или платье, за стойкой не было видно – с длинными рукавами, хотя и на улице, и в салоне было достаточно тепло. Наверное, поэтому я решил, что собеседница мс-с Маршалл – жена м-ра Лагфаэта, пришелица из-за тумана. Так оно и оказалось. Звали её Иола, ростом и комплекцией она не отличалась от мс-с Маршалл, выглядела значительно старше её и старше своего мужа. Впрочем, если учесть, что родилась она примерно полторы тысячи лет назад, а её муж – всего лишь триста... Иола сдержанно улыбнулась и, как только м-р Лагфаэт удалился запрягать лошадей, поинтересовалась, не намерен ли я верить всему, что мог наговорить мне по дороге её речистый супруг. Фантазий у него хоть отбавляй, пояснила она, а неискушённые слушатели попадают редко. Так что я, пожалуйста, не должен на него сердиться, если он заболтал меня насмерть. Я поулыбался и пообещал «не сердиться», но мысленно разодрал в клочки свой мысленный же конспект «свидетельства Лагфаэта». Одно мне было неясно: почему Маршаллы тогда послали его за мной? Почему позволили ему пудрить мне мозги? Ясно же, что он должен был получить от них разрешение, прошлый-то раз он стойко молчал... Тем временем я успешно завершил процедуру посадки на добродушную Ночку, получил пространные и совершенно напрасные инструкции по её управлению в отсутствие горячо любимого ею Блэка, распрощался с местным Мафусаилом, ошеломившим меня историями одна несусветнее другой, и его античной женой, рекомендовавшей верить в них *избранно*... Ну, и как, спрашивается, я должен избирать?

– Что ж так несмело, мистер Томсон? – прервала Морган мои размышления. Мы неспешно плыли сквозь плотный туман, в честь солнечного дня голубовато-серый, оставив позади себя чету Лагфаэтов. – Спрашивайте.

– Зачем Вам нужны жрицы, миссис Маршалл? – Не то что бы я думал именно об этом, просто исходное утверждение моей спутницы показалось мне вдруг единственно правдоподобным, единственной связью между мной «тут» и реальностью «там».

– Чтобы убрать туман.

– Ни в коем случае! – вырвалось у меня.

– Почему?

– Это же такой феномен! Его изучать нужно, а Вы – убрать!

– Феномен исчезнет, когда я умру, – произнесла мс-с Маршалл как-то обречённо.

Поверить в это было невозможно. Как и во всё остальное. И разбирать тонкости казалось мероприятием беспросветным.

– Зачем тогда убирать?

– Чтобы освободить Артура.

– Разве он не освободится после Вашей смерти?

– Он умрёт вместе со мной.

Почему-то меня не удивили её слова. Вдруг стало совершенно ясно, что удерживало самовлюблённого жеребца возле именно этой тихой, милой женщины вместо какой-нибудь убийственной красавицы. Только простак вроде Лагфаэта мог говорить о любви между столь разными людьми.

– Понятно, – процедил я и почувствовал на себе пристальный взгляд мс-с Маршалл.

– За что Вы так не любите моего мужа?

Я мог бы сказать что-нибудь вежливое, вроде «да что Вы» или «Вы ошибаетесь» или «вовсе нет», но врать не хотелось, и так всё было запутанным донельзя.

– Я не люблю, когда меня насилуют.

– Зачем же Вы себя мучаете?

Сначала я подумал, что она не поняла моего ответа, и собрался пояснить, но мс-с Маршалл произнесла «Хоп», и её серая кобылка перешла на бодрую рысь, оставив позади Ночку и меня

вместе с ней, в трёх шагах силуэт всадницы уже растворился в тумане. Моё «хоп» Ночка проигнорировала, продолжала брести всё так же лениво. Где-то впереди раздалось фыркание, уши моей лошади затрепетали, она тихо заржала и чуть-чуть прибавила ходу. Я решил положиться на её инстинкты. И это вернуло меня к вопросу мс-с Маршалл.

Мои инстинкты требовали от меня подчинения Артуру Маршаллу. Мой разум не находил этому оснований. Мои инстинкты восторгались – мой разум находил восторг неуместным, стыдился его. Мои инстинкты требовали преданно заглядывать в глаза жожаку – мой разум ниспровергал жожака, усердно затапывал его в грязь, выворачивал уважение в презрение, любовь – в ненависть. Ночка бежала уверенно сквозь непроглядный туман, и я закрыл глаза, позволил моим инстинктам вести меня к одним им видимой цели – и не узрел ничего. Разочарованный, я подталкивал фантазию, настырно рисовал себе картинки, которых я так стыдился – и всё во мне взъерепенилось, запротестовало, завопило: «да нет же!!!»... Тогда чего я так боялся?

Впереди вдруг вырисовался силуэт мс-с Маршалл, и у меня вырвалось облегчённое «У-уффф!».

– Испугались?! – Морган развернула свою лошадь и пристроила её рядом с Ночкой.

– Да, – признался я.

– Напрасно. Ночка знает дорогу, видит иначе, слышит дальше, и нюх у неё – не чета нашему. Она и себя и всадника сбережёт – если её не *насиловать*.

Я уставился в расплывчатые черты мс-с Маршалл за метровой занавесью тумана.

– А если её вдруг понесёт?

На лице мс-с Маршалл угадывалась улыбка.

– Умелый всадник не упадёт и коня подчинит. В седле сидеть умеют все, но далеко не все – настоящие всадники.

– Мистер Маршалл – настоящий всадник?

Морган тихо засмеялась.

– О да! Ему послушен любой конь.

Я перестал понимать, о чём именно мы говорим, ну их, и коней, и всадников...

– Вы обещали рассказать о роли жрицы...

Мс-с Маршалл опять рассмеялась.

– Сбруя, мистер Томсон. Уздечка, повод, стремяна.

Ладно. Я послушно повертел аналогию в голове. Получалось стройно. И ещё кое-что получалось. Восхищаясь виртуозным всадником и артистичным животным, мало кто обращает внимания на сбрую. О чём и говорила мс-с Маршалл прошлый раз... нечто само собой разумеющееся, нечто, о чём можно и не упоминать, описывая искусство верховой езды. Нечто такое, что яркость его или помпезность будут отнесены к убранству коня или всадника. Нечто абсолютно необходимое, чтобы всадник сохранял контроль и тогда, когда зверя могло бы и понести – хоть в огне, хоть перед ликующей толпой. Мне вдруг захотелось перелистать все проштудированные документы, мне показалось, что в каждом из них попадались повторяющиеся женские имена, отнесённые в своё время просто к любовным афёрам... а ведь чаще всего упоминались именно жрицы – я ещё помнил свои ухмылки по поводу того, что в древние времена служение богам понималось совсем иначе... о чём опять же говорила мс-с Маршалл: взглянуть на те же самые документы под другим углом. Теперь осталось понять, как это происходило.

Туман начал редеть, впереди угадывалось солнце над верхушками деревьев на знакомой опушке, потом от стены стволов отделился массив дома, и я увидел мистера Маршалла, идущего нам навстречу с широченной улыбкой на лице. Морган обогнала меня, остановилась возле мужа и соскользнула из седла в его объятия. Несколько мгновений я чувствовал себя совершенно нелепо верхом на лошади, уводящей меня куда-то в сторону (надо думать, в том направлении пасса Блэк), и несказанно лишним ввиду прильнувшей друг к другу пары – пока м-р Маршалл не поднял голову и не свистнул тихо Ночке, послушно направившейся к нему. На этот раз я не увидел ни следа надменности, напротив, Артур Маршалл улыбался почти смущённо. «Мистер Томсон», кивнул он и схватил поводья моей зверюги, от чего она, обречённо вздохнув, подогнула ноги и позволила мне покинуть седло. «Мистер Маршалл»,

кивнул я и, не удержавшись, ухмыльнулся: «милорд». Маршалл рассмеялся, и пригласил меня в дом, провёл через дверь слева от комода, ведущую в небольшой коридор, оттуда – в соседнюю комнату. «Располагайтесь. Когда проснётесь – будем есть». Я начал было извиняться, но он отмахнулся с лукавой усмешкой: «Пустое, сэр Вильям. Против природы не пойдёшь. Да и спать Вы будете недолго». Я остался один.

От входа направо располагался камин, не менее громоздкий, чем в передней комнате. Через два мелких окна передо мной падал солнечный свет на большой деревянный стол, придвинутый к стене, и стул с высокой спинкой. У стены слева – огромная массивная кровать с резным деревянным изголовьем. Рядом с кроватью – круглый высокий столик с подсвечником на четыре свечи. У столика – кресло на изогнутых ножках. Слева у входа – комод, помельче и поизящнее, чем его собрат в другой комнате. Стены беленные, пол каменный, потолок деревянный, относительно новый, с массивными балками. Таких домов в 5 веке не строили. И отапливали иначе. И мебель... мистер и миссис Маршалл носили джинсы, и – почему-то – рубашки с длинными рукавами. А ещё миссис Маршалл прятала уши, как и её бывшая... ,землячка'... надо бы спросить...

Я очнулся в кровати, не помня, когда я в неё упал. Солнечное пятно на столе не сдвинулось ни на йоту – значит, проспал я меньше получаса. Гонимый природой, я осторожно выглянул из комнаты, и обнаружил ещё четыре двери в коридорчике. Одна уже знакомая, в переднюю гостиную. Вторая вела на улицу. За третьей располагалась почти такая же комната, как и моя, но явно обжитая – спальня супругов, понял я и поспешно закрыл дверь. За четвёртой я нашёл искомое с привычным, хотя и старомодным оборудованием. Разницу я обнаружил потом: вода и в бачок унитаза, и в бак над краном наливалась вручную, ведро с водой было предусмотрительно поставлено за дверью. Естественно, только холодная вода. Зато освежала она мгновенно. Ну, что ж. Пора начинать задавать вопросы.

Артур Маршалл выглянул из-за двери напротив меня, когда я вошёл в гостиную, коротко улыбнулся, кинул «садитесь», исчез за дверью, потом появился снова с подносом в руках, на котором возвышался чей-то жареный бок. За ним показалась мс-с Маршалл с грудой тарелок. Я предложил свою помощь и был отослан за гарниром. Кухня была тех же размеров, что комнаты с другой стороны, столы, шкафы, камин – и плита. Газовая, с огромным газовым баллоном поодаль. Взяв указанную посуду, я уже в дверях выпалил: «Когда был построен этот дом?»

– Давно. Садитесь лучше, ешьте, – кивнул Маршалл на одно из свободных мест.

– Спасибо. И всё же?

– Вот это помещение – лет сто пятьдесят. А два года назад мы его достроили.

– Вдвоём?

– Нет, конечно. Тогда у нас было много помощников.

– Лагфэет тоже?

Маршалл засмеялся.

– Лагфэет тоже.

– А мебель?

– Позже.

– Прямо тут и сделали?

– Нет. Привезли.

– Откуда?

– Некий граф покинул свой весьма уютный дом. Мы много чего оттуда взяли.

– Что графа на это подвинуло? Эскалибур?

М-р Маршалл неожиданно захохотал. Сочно, вкусно. Мс-с Маршалл тоже засмеялась, и мой рот расплылся в улыбке вслед за ними.

– Это Лагфэет Вам сказал? – спросил м-р Маршалл, всё ещё посмеиваясь.

– Да. Так что же?

М-р Маршалл вскинул оценивающе брови и сообщил:

– Потом расскажу. Дальше.

– Можно взглянуть на уши миссис Маршалл?

Оба вдруг посерьёзнили и переглянулись. Потом миссис Маршалл подняла руку и заправила прядь волос за ухо с моей стороны. Хорошенькое было у неё ушко. Аккуратное, розовое, нежное – снизу. Сверху оно кончалось острым углом, покрытым очень тонкой кожей, так что хрящ просвечивал белым, придавая всему уху нечто хищное, зловещее.

– Насмотрелись? – спросила она, возвращая волосы на место.

– Это что – побочный эффект?

– Да, – ответила мс-с Маршалл очень серьёзно, – но этого недостаточно.

– Достаточно для того, чтобы было из кого выбирать?

– И как их собрать? Вы забываете, мистер Томсон, что ещё два года назад за такие уши могли и сжечь, год назад не существовало ни радио, ни телевизора, газеты читали лишь немногие, а сейчас такое *корректируют*, – произнесла она горько, – как *уродство*... кроме того, Вы, наверное, догадались, что я не могу уходить отсюда далеко или надолго.

– Я думал, только мистер Маршалл.

– Артур ещё менее свободен, – сказала мс-с Маршалл и глянула на мужа виновато. Он ответил очень мягко, на непонятном мне языке, я выделил только ‚Морган‘. Мс-с Маршалл потупилась.

– *Пока нет*, – прошептала она.

Мне стало неловко. Чрезмерным любопытством я разбудил семейную драму, дремлющую неизвестно сколько лет. «Извините», пробормотал я, осторожно подняв глаза на м-ра Маршалла. Его лицо опять приобрело надменное выражение, и я вдруг понял, что это – забрало, под которым он прячет все свои проблемы, прикрывает раны, защищается от непрошенной жалости. «Вы тут не причём», процедил он. Морган глубоко вздохнула и стала собирать со стола, потом ушла на кухню. М-р Маршалл проводил её взглядом, лицо его смягчилось, но на меня он смотрел опять вызывающе. Лучше уж вернуться на безопасную почву.

– Так что там было с графом?

– Я позволил ему вылизать мой божественный фаллос, – ответил он, явно передразнивая чью-то восторженную интонацию, и впившись в меня взглядом. Я невольно сглотнул, краска залила мне лицо, по мере того как росла гадливость. «Как трогательно», произнёс Маршалл с явной издёвкой.

– Это омерзительно...! – выпалил я и застрял: назвать его «мистером» язык не поворачивался.

– Вовсе нет, – ответил Маршалл в прежнем тоне. – Он сделал это не хуже любой женщины.

– Это скотство! Это... это недостойно, это не по-мужски!

Маршалл презрительно выпятил нижнюю губу.

– Не по-мужски? Потому что не поднял деревню в оружие? Потому что продался за землю? Потому что отдал то, что имел?

– Враньё! – Маршалл удивлённо поднял бровь и слегка усмехнулся. – Вы же подбрасывали Лагфаэтам монеты.

– И Вы в это верите?

Я заткнулся. В самом деле, оснований верить в «монеты» у меня было ровно столько же, сколько словам Маршалла – то есть, ни одного. Мне нужна была парадигма, в которую я смог бы укладывать новую информацию. Иначе всё мероприятие грозило превратиться в хаос, в мешанину невероятных утверждений и непрерывных сомнений. И опираться я мог только на одно – на неоспоримо существующий сдвиг времени. Который мне показал м-р Маршалл. Который, следовательно, заинтересован в том, чтобы я воспринимал его слова всерьёз. От этого можно начать плясать.

– Были монеты? – спросил я примирительно. Надменность сползла с лица Маршалла, уступив место усталости.

– Были. Только кончились. И ценности они были сомнительной...

– Лагфаэтам хватало же.

– Лагфаэтам – да. Графу – нет, даже если бы я ему сам торк¹² отдал.

– Торк?

– Вы знаете, что такое торк? – Я кивнул.

– Мой был из золота. Я его с голенным панцирем сплавил и монет наклепал. У меня обычно полные руки колец были – что б было, что раздавать, но перед боем я их всегда снимал – иначе оружие толком не ухватить. Вот о чём я потом жалел. Да кто ж знал...

– Непредусмотрительно...

– Хоть Вы не начинайте... наслушался я этого.

– Всё равно... я бы так не смог... с графом.

– Смогли бы мистер Томсон, смогли бы. Радуйтесь, что Вам не приходилось выбирать между собственной гордостью и жизнью преданных Вам людей.

Мне вспомнился Лагфаэт, с его трепетной верностью м-ру Маршаллу, подвинувшей говорливого толстяка даже держать язык за зубами – какие муки он должен был испытывать прошлый раз... с его непоколебимым доверием, с его историями... Я невольно усмехнулся.

– Эскалибур, значит...

Маршалл беззвучно рассмеялся.

– А то ж! Верный соратник.

И мы оба разразились хохотом.

Морган вернулась из кухни, поставила подсвечник на стол. За окном сгущались сумерки, и я вдруг испугался, что меня и сейчас отправят домой, как в прошлый раз. А ведь самого главного вопроса я так и не задал, хотя он всё время сидел у меня на языке. С опаской взглянув на потемневший проём окна, я выпалил: «Вы он или не он?» и только потом сообразил, насколько это глупо прозвучало. Мистер Маршалл меня, тем не менее, понял.

– Уж точно не «она», – сказал он улыбнувшись, потом посерьёзней. – Скорее всего, не «он».

– Почему ,скорее всего'?

– Кто этот Ваш ,он'?

Справедливый вопрос, однако. Пришлось мне задуматься, кто же такой король Артур. Король, конечно. Впрочем, вовсе не ,конечно': в фольклоре он часто фигурирует как военачальник. Благородный характер. Благороден ли м-р Маршалл? Кто его знает... кажется, скорее да, чем нет. Праведный. Точно не м-р Маршалл. После битвы у Камланна увезён в таинственный Авалон...

– Это Авалон? – спросил я у мс-с Маршалл.

– Нет. Авалон был совсем в другом месте. Здесь просто монастырь, школа жриц. Хоть и большая, но не главная. Зато ближе всего к Камлану. Дорогу в Авалон Артур бы не пережил.

– Почему?

– Покажи, – обратилась мс-с Маршалл к мужу.

Он скривил рот, но подчинился, встал, поднял рубашку и показал на длинный шрам, который я заметил ещё в прошлый раз.

– Штаны я Вам снимать не стану, – сказал он, проведя рукой по джинсам вдоль шрама. От талии к животу, в пах, дальше по внутренней стороне бедра до колена. Меня передёрнуло: чудо, что он не остался без ,эскалибура'. Снова усевшись, Маршалл ухмыльнулся при виде моей оторопи. – Панцирь, мистер Томсон, на всех важных местах. Да и он помялся. Ладно-ладно. Не краснейте.

– Когда был Камлан? – спросил я.

– Почти двенадцать лет назад.

– А туман всегда тут был?

– Нет, – ответила мс-с Маршалл, – его возвели тогда, когда Артура пришлось укрыть от преследователей.

Некоторое время я тупо хлопал глазами. Мысли разбегались, ухватиться было просто не за что. Ни за неизменные законы природы, ни за знакомые физические возможности человека. Вдруг появилось настойчивое желание махнуть на всё рукой и просто уйти. «Поверить тому, что укладывается в голове», цитируя местного философа. Я вздохнул. Попробуем, достаточно ли широк мой лоб.

– Возвели – кто?

– Все жрицы, тогда их было 117.

– Как?

Мс-с Маршалл печально посмотрела на меня.

– Не знаю.

– Как так не знаете? Что делали, о чём думали, вместе ли, по отдельности...

– Разве Вам эти ответы помогут?

– Потом увидим.

– На это-то я могу Вам ответить, но когда-нибудь мы доберёмся до места, где я буду вынуждена повторить «не знаю». Так стоит ли воду в ступе толочь?

– Стоит. Стоит, мс-с Маршалл. Чем больше известных ответов, тем меньше это самое «не знаю». – Морган пожала плечом, ладно, мол. – Вы тоже в этом участвовали?

– Да.

– Что вы *собирались* сделать?

– Возвести туман. Туман, через который проходят только жрицы.

– Почему проходят жрицы?

– Почему Ночка находит дорогу в тумане?

– То есть, жрицы просто идут, по внутреннему зову – и выходят к цели.

– Не совсем по внутреннему. На другой стороне должна быть хотя бы одна жрица.

– Понятно...

Ни черта мне не было понятно. Я помолчал, собираясь с мыслями, спросил, скорее тычась в потёмках.

– Как Вы возводите туман?

– Я не знаю, – мс-с Маршалл смущённо улыбнулась, – я растворяюсь во всём вокруг меня, хочу стать туманом – и он появляется. Дождём – появляется. Теплом – тоже.

– Покажи! – вставил м-р Маршалл не без иронии.

Морган улыбнулась, потом затихла, сосредоточилась. Свечи в подсвечнике погасли все разом с тихим шипением, как от воды. Я не понял, когда дым сменился паром, заметил только изменившийся запах – свечи вспыхнули опять. Все сразу. Женщина вздохнула и закрыла глаза – за окном начался тихий дождь, перешёл в ливень, прекратился. Я отвёл изумлённый взгляд от окна и встретил темные, бездонные глаза Морган и вдруг понял, что она – внутри меня, я услышал биение второго сердца... Краем глаза я отметил, что м-р Маршалл наклонился к жене и поцеловал изгиб её шеи у плеча – на моём плече под воротником горел его поцелуй... мс-с Маршалл едва заметно усмехнулась – и я ощутил тяжесть в поясице, короткую лёгкую спазму внизу живота, потом мне показалось, что из меня что-то вывалилось – из отверстий, которых у меня никогда не было, и нечто горячее, липкое, влажное скользнуло по мошонке. Мс-с Маршалл отвела взгляд, посмотрела в глаза мужу. «Морган...», укоризненно пробормотал он. Я сидел, вцепившись руками в край стола, и судорожно соображал, что же у меня теперь творится в трусах – пока не понял, что чувство прошло.

– Простите, мистер Томсон, мне пришлось выбрать то, что Вам знакомо разве что понаслышке, но ни в коем случае не по собственному опыту, – пояснила мс-с Маршалл со смущённой улыбкой.

Почему-то захотелось курить. Никогда не был курильщиком – за исключением нескольких попыток ещё в начале студенчества, – но тут пальцы задрожали, а воздух показался разреженным и безвкусным. М-р Маршалл поднялся и разлил вино по стаканам – едва он поставил мой передо мной, я схватил его и высосал половину в один присест.

– Я понял, мс-с Маршалл. Вы можете. Всё. Зажечь огонь, возвести туман, заставить мужчину менструировать... Я уже не знаю, о чём спрашивать, расскажите просто, что тогда произошло. Пожалуйста.

Морган была у Камлана – не на поле битвы, конечно, а в шатре мужа, в лагере саксов. Когда Артур был ранен, она это почувствовала, и, ведомая этим чувством, догнала Медрауда, который уносил еле живого Артура с поля, перекинув его через спину своего коня. Как ему

это удалось – неизвестно, потому что Медрауд был всего на голову выше Морган и никогда не отличался силой. Ловкостью, стремительностью, изяществом – да, но не силой. Ему ничего не пришлось объяснять Морган, он знал, кто она такая и на что способна. Они сразу остановились, чтобы остановить кровотечение, зажать рану, наложить повязку. Не только Артуру, но и Медрауду, которого резанули по плечу, остальное принял на себя панцирь, и его рана не была смертельной. Потом уже без остановок – прямо в этот монастырь. Потому что это – святое место, здесь чувствуется пульс природы, здесь Морган могла «прильнуть к груди Великой Матери», чтобы закрыть, залечить зияющую рану. Ещё там, в бою, видя падающего Артура, Медрауд заорал, «Нееет!!! Артур!!!» – поэтому поначалу все думали, что король убит, дав беглецам достаточно времени, чтобы добраться до монастыря, но после битвы его не нашли среди трупов и раненых – и начался поиск, потом погоня. Кто-то прибежал из ближайшей деревни и предупредил жриц о надвигающейся опасности – до сотни всадников, жаждущих довести дело до конца, смести с лица исконно британской земли саксонского выкорышка и предателя, самозванца и кровосмесителя Артура, Кэрдока, Цедрика... Жрицы выстроились в редкую цепочку у подножья холма, на котором располагался монастырь, и подняли туман, всё выше и выше, гуще и гуще, толще и толще... когда погоня показалась на вершине соседнего холма, туман стоял уже высотой с человека, толщиной в сотню шагов, а когда погоня вошла в него – выше голов всадников... «И всё это время я не переставала думать, как бы успеть возвести туман, как бы успеть обратно к Артуру... я хотела растянуть отведённое мне время...»

Мс-с Маршалл была уверена, что именно она «вплела в туман» роковой сдвиг. Такие свойства тумана были известны и раньше – сколько бы человек в нём не бродил, выходил он из него всегда без потери времени, неважно с какой стороны. Время «порвалось» окончательно, когда жрицы начали покидать монастырь. Потому что, ответила мс-с Маршалл на мой вопрос, и среди них были такие, которые считали Артура предателем. Они не воспротивились тому, чтобы Морган исполнила свой священный долг перед «супругом волею Великой Матери», да и погоня не сулила ничего хорошего, даже если бы Артура и выдали, поэтому туман возвели сообща и в полном единодушии. Но потом нашлись те, которые отказались находиться с Артуром и Морган в одном месте. Сначала ушли 58 жриц – и время начало заметно отставать. Когда это стало ясно, решили уйти почти все оставшиеся – кроме пяти женщин. Самая пожилая из них умерла год спустя, за ней последовала вторая... и время потекло в нынешнем ритме. В одиночку мс-с Маршалл может спокойно проходить через туман, но разогнать она его не в состоянии. Для этого наверняка нужно не менее 117 жриц.

Умнее от этого я не стал. В голове моей царил туман погуще наружного, в котором время от времени появлялись расплывчатые силуэты догадок, чтобы тут же раствориться, не позволяя даже уловить очертания... у-уффф... может, попробовать так...

– Почему Вы думаете, что это именно Вы... изменили туман? – спросил я, неуверенно подбирая слова. – Сдвиг-то получился нешуточный. От одного ли человека?

– Может быть, кто-то ещё хотел выиграть время – хотя бы, чтоб успеть поставить защиту... с другой стороны... на прошлой неделе погас свет во всём городке – я как раз была у Лагфаэтов – виной оказалась какая-то маленькая штуковина у кого-то в доме... еле нашли причину, а городок сидел без света два целых дня...

– Понятно... Нет! Совершенно непонятно! О чём именно Вы думали в тот момент? Какими словами?

– „Думала“ неправильное слово, мистер Томсон. Я не думала. Тревожилась... хотела...

– Сможете показать? Как прошлый раз?

– Нет. – Отрезал до сих пор молчавший Артур Маршалл. Я в недоумении глянул на него, но он явно не собирался давать никаких объяснений.

– Почему? – обратился я к Морган.

Мс-с Маршалл уставилась прямо перед собой, в неподвижном лице её не отражалось ничего, и я уже приготовился испытать шквал новых ощущений, но вместо этого она посмотрела на меня с вызовом, который так раздражал меня в Артуре Маршалле.

– Для этого у нас должна быть общая мать.

М-р Маршалл возмущённо замотал головой, шумно втягивая и выдувая воздух через вздувшиеся ноздри, – прямо рассерженный конь, да и только, – буркнул что-то на своём языке и добавил, глядя строго на свою жену, уже по-английски, очевидно для меня.

– Или состоять с Морган в священном браке.

Артур Маршалл, очевидно, состоял со своей женой и в обычном, и в «священном браке». Родство по матери он исключал. Настолько, что отказался от правления – если верить Лагфазту, со слов жены передавшему слухи, бродившие поколение-два после Артура... надёжный источник, нечего сказать... предпочёл женщину королевству... хоть роман пиши... А Морган сомневалась, хотя кому как не жрице полагалось бы знать, что такое «священный брак»...

– Что такое «священный брак»? – Спросил я. Слова, конечно, мне были знакомы, и обычай тоже. Только о таких последствиях мне ещё не приходилось слышать. Маршалл успокоился, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза, сплёл пальцы на столе.

– Очень древний обычай, – ответила мс-с Маршалл. – Испытание вождя. Примут его Боги – может править. Не примут – погибает. Тот, кто выжил, сочетается символическим браком со своим народом, со своей землёй, Великая Мать принимает его в своё лоно и помогает ему потом в правлении. Через свою жрицу – мужчина иначе не воспринимает Богиню. Великая Мать удерживает равновесие в природе. Жрица удерживает равновесие во властителе.

– Сбруя... – пробормотал я. Мс-с Маршалл коротко улыбнулась.

– Именно. Этот ритуал уже очень давно не проводили. Говорят, бритты обмякли под римлянами, и никакой вождь не желал подвергнуть себя смертельному риску. От всего осталась только одна ночь, проведённая на Белтайн с любой жрицей, даже не девственницей, хотя дети от этого давно уже не божественного брака продолжались считаться священными. Таким ребёнком был, кстати, Медрауд, и воспитывался он у своего отца в Гододине¹³ как полноправный принц.

– Толку-то, – буркнул м-р Маршалл.

– Почему? – поинтересовался я.

– Потому что для нас он был подарком Богов, для христиан – плодом греха, – пояснила мс-с Маршалл. – Из-за этого он был отвергнут женщиной, которую беззаветно любил.

– Неужто Женестьева¹⁴?

– Женестьева? Нет. Ту женщину звали Гуанамара. В конце концов, он даже стал монахом – христианским монахом! – только чтобы быть с ней рядом, в том же монастыре. Это ж надо было такое придумать! Поселить мужчин рядом с женщинами, обязав их к воздержанию! Такое насилие над природой...

– Христиане не считают это насилием, – заметил я справедливости ради. – Они хотят покорить плоть, освободить дух из-под её гнёта.

Мс-с Маршалл строго посмотрела на меня.

– Конечно. Иной раз приходится дёрнуть узду, натянуть повод. Но если коня только бить, надо быть готовым к тому, что в любой момент он сбросит и затопчет седока.

– Пусть так, – увильнул я от чуждой мне дискуссии религиозных доктрин. Что-то другое мешало мне, какое-то смутное подозрение...

– Откуда Вы знаете о Медрауде?

– Медрауд ушёл отсюда, как только бойня снаружи закончилась. В тумане преследователи перебили друг друга, – пояснила мс-с Маршалл в ответ на мой вопросительный взгляд. – От страха, или мстя за своих родных, убитых там же прежними соратниками. Мы ещё долго натыкались на трупы. Раненых выносили за туман. Медрауд ушёл, потому что он всё надеялся уговорить Гуанамару уйти из монастыря, стать его женой... Пару месяцев спустя Артур начал ходить, и уже рвался обратно...

– Нечего было меня дразнить, – пробурчал м-р Маршалл. Судя по его тону, дразнить его было занятием весьма опасным.

– ...рвался отомстить. Мы и отправились домой, собирать армию. Нам пришлось идти пешком, тут тогда было всего две лошади, мы не решились их взять, и выбирали мы укромные дороги – это была земля бриттов. Поэтому мы и не сразу поняли, что время сдвинулось...

– А как же Иола? – встрял я.

– Иола пришла позже.

– А разве жрицы не выходили из монастыря, не видели, что произошло?

– Нет, – улыбнулась мс-с Маршалл. – Там, за лесом, – кивнула она в сторону окна, – поля, огороды, сады. Жрицы всё делают сами, ...делали сами...

– Хорошо. Дальше?

– Монастырь, где жила Гуанамара, лежал по пути, и мы зашли спросить, там ли она ещё, удалось ли Медрауду её убедить... вот тогда мы поняли, что прошло почти 40 лет... и Гуанамара, и Медрауд давным-давно умерли, а монах, принявший нас, сочинял какой-то бред про короля бриттов Артура, при этом уверял, что пишет чистую правду, потому как брат Медрауд был всему свидетелем и всё честно описал, он якобы лишь перекладывал текст на язык Святого Писания... Артур тогда монаха чуть не прибил, еле удержала.

– И напрасно, – сообщил м-р Маршалл.

– Мы выманили тот свиток, – продолжила мс-с Маршалл, провояя взглядом своего мужа, который поднялся и вышел в знакомый мне коридорчик, – и убралась поскорее... Но как только мы покинули монастырь, Артуру стало плохо. Так что пришлось мне украсть лошадь и скакать обратно, сюда.

– Почему именно сюда? А не вперёд, например?

– Куда вперёд? К кому? Кто его помнил бы, кто его принял бы? Если все – все! – знакомые уже умерли?! Кроме того, он был всё ещё слаб, когда мы отправились, ему бы ещё месяц-другой выждать надо было бы, но он тогда упёрся, и я не стала перечить. Дорогу на север, где могли ещё жить родственники, он явно не пережил бы. Поэтому я и повезла его обратно. По пути ему стало лучше, но он уже не спорил.

М-р Маршалл вернулся и, бережно положив передо мной пергаментный пакет, уселся на своё прежнее место. Под пристальным взглядом Маршаллов я осторожно, почти благоговейно развязал кожаный шнурок, и достал из листа мягкой кожи аккуратно намотанный на деревянный стержень свиток пергаментов, развернул дюжину почти квадратных полотен каждое примерно четверть метра длиной и шириной. Все листы оказались исписанными с обеих сторон, как и следовало ожидать. Мне приходилось держать пергаменты в руках, но этот выглядел свежайшим по сравнению с ними: ни пятен плесени, ни затирок, ни расплывающихся букв на местах многократной зачистки, ни пробивающихся следов нижних текстов... Почерк был крупный, ровный, плотный. Язык был мне незнаком, поэтому я так же трепетно свернул пергамент в прежнюю форму.

– На каком языке это написано?

– На языке пиктов¹⁵. Медрауд рос в Гододине, – напомнила мс-с Маршалл.

Я застонал от отчаяния и закрыл лицо руками. Вот он, передо мной, язык бесследно исчезнувшей и потому окружённой мифами культуры, зафиксированный аккуратными латинскими буквами, на пергаменте первого поколения – и воспользоваться им невозможно. Потому что документ слишком *нов*.

– Что писал Медрауд? – спросил я, глубоко вздохнув.

– Всё. Сегодня это называли бы... – м-р Маршалл глянул на жену.

– Мемуарами, – подсказала она.

– Правдивыми? – Взгляд м-ра Маршалла продемонстрировал, что мой вопрос был не просто неуместным, он был оскорбительным. – Извините. Почему же из этого получился, как Вы говорите, 'бред'?

– Потому что кэллэуа¹⁶ не понял и четверти текста. – Что бы ни значило 'кэллэуа' на самом деле, у Артура Маршалла оно обозначало нечто омерзительное. – На языке пиктов говорили высоко на севере, кэллэуа жил на юге. Похоже, он опирался на дюжину знакомых пиктских слов и несколько латинских и бриттских фраз, которые иногда вставлял Медрауд.

– Вы говорите на языке пиктов?

– Сла́бо. Но достаточно, чтобы понять, о чём писал Медрауд.

К тексту следовало вернуться. Скопировать. Посадить чету Маршаллов и восстановить произношение и точные значения известных им слов. Вычленить грамматические формы. Проследить их корни в современном шотландском... Работы на несколько месяцев. Что ж... меня никто нигде не ждал, торопиться мне некуда.

– Вернёмся к ‚священному браку‘... – предложил я. Морган кивнула, её муж встал и, забрав свиток, вышел. – Полный ритуал не проводился уже давно, но – если я правильно понимаю – для Вашего мужа сделали исключение.

– Да.

– Почему?

– Когда Утр назначил наследника, многие роптали – претендентов было достаточно, можете себе представить. – Я кивнул. – Мало кто поверил, что избранник действительно сын Пэндрэйгона. Утр, похоже, и сам в это сомневался. Видимо, просто решил, что парень справится, но остальные потребовали от Артура это доказать. В древнем ритуале, во всей его полноте.

– В чём заключался ритуал?

– Охота на вожака-оленя, только с ножом.

Я кивнул. Ритуальная охота встречается во многих культурах, уходя корнями в анималистические культы охотников-собирателей, принимая формы от танца до действительно охоты в её первобытной форме – человек против зверя, один на один.

– И ритуал завершался бракосочетанием? Между охотником и жрицей?

– Да, – кивнула мс-с Маршалл.

– Что при этом происходит? – Мс-с Маршалл насмешливо подняла брови. – Кроме общеизвестных событий.

– Задача жрицы... – она запнулась, подбирая слова, – ... нащупать, ухватить... чувства супруга... чтобы его потом можно было вести... направлять...

– Как? – Женщина смущёно улыбнулась. – Ясно. Не знаете. У Вас получилось?

– Почти... мне нельзя было терять голову – а я потеряла...

– Что это теперь значит?

– Артур также правит моими чувствами, как и я – его.

Я невольно усмехнулся.

– Как в обычном браке... где Ваш муж, кстати?

– Повёл коней к водопою.

Значит, можно спрашивать.

– Причём здесь родство?

Мс-с Маршалл погрузилась.

– Либо он унаследовал восприимчивость от матери – она передаётся только по женской линии, либо... либо он доверился мне с первого взгляда, открылся...

– ...влюбился. Почему Вы боитесь в это поверить?

– В это я не боюсь поверить, я *знаю*, что он меня любит. Я боюсь *не поверить* в родство.

– Почему?

– Потому что только в этом случае мы умрём одновременно – и только из-за священного брака.

– Почему одновременно?

В её взгляде появилась горечь.

– Я не знаю... не знаю наверняка. Так меня учили: брат с сестрой могут вступить в священный брак, именно из-за родства он будет слаженнее, надёжнее, успешнее любого другого, но цена ему – одновременная смерть. Подвергать это сомнению в нашем случае рискованно.

– Почему же Вы тогда вообще на него согласились?

– Мои родители были неизвестны, мистер Томсон. Я попала в Авалон – да-да, тот самый Авалон, главную школу жриц – когда мне был месяц. Меня принесла какая-то девчонка, которая потом убежала. Уже потом, когда Артур стал верховным королём, когда Утр уже умер, Игрэйн рассказала ему о дочери из первого брака и завещала её найти... Это оказалось очень непросто, Артур потратил несколько лет, но сестру нашёл. Меня.

Я молчал вместе с мс-с Маршалл. Она – погрузившись в безрадостные воспоминания, я – пытаюсь понять, что бы я чувствовал, как бы я поступил на их месте. Скорее всего, постарался бы забыть злосчастный ритуал... избегал бы новообретённой сестры... наверняка не взял бы её в жёны... правда, со жрицами я никогда не сталкивался. Что опять возвращало меня к вопросу: что может жрица. Мне показали физические явления, физические же ощущения, но не показали тревогу... чувство, эмоциональное состояние, манифестацию инстинкта в сознании... дело в ритуале... шаг за шагом вытесняющем разум, живущем за счёт инстинктов, опирающемся только на чувства... на ярость преследования, на упоение победой, на экстаз совокупления... ритуал, вырывающий поводья из рук сознания – сознания охотника,... и когда охотник приходит в себя, жрица уже крепко держит в руках его чувства... может заставить его презирать или восхищаться, гордиться или стыдиться, грустить или ликовать... ненавидеть или любить... умелые руки жрицы превращают его в марионетку, танцующую на невидимых нитях, о которых он может и не подозревать... похоже, моё сочувствие мс-с Маршалл было совершенно излишним... как излишними были подозрения в неискренности чувств м-ра Маршалла... если ей это угодно, он будет любить её всем естеством, беспричинно, беззаветно, *безумно*...

– Что Вас так напугало, мистер Томсон? – спросила Морган, и я вдруг понял, что она уже некоторое время пристально за мной наблюдает, вдруг осознал, что меня действительно обуревал страх, иступлённый, первобытный страх перед женщиной, способной отобрать мою сущность, мою душу...

– Кажется..., – забормотал я, пытаюсь совладать с собой, – кажется, я понял, что значит ,стремя'..., – во взгляде мс-с Маршал появилось любопытство, – и ещё кое-что... наши легенды могут врать, но в одном... в одном они не ошибаются... – Я упёрся глазами в стол.

– В том что я погубила Артура¹⁷, – произнесла мс-с Маршалл сухо. Да, именно это пришло мне в голову, я даже почувствовал облегчение от того, что мне не пришлось объяснять это Морган – пока я не поднял глаза. На лице напротив меня застыла надменная маска.

– Вам нечего бояться, мистер Томсон. Пока Артур не загублен окончательно, на Вас я распыляться не стану.

Она встала и спокойно вышла. Видимо, далось ей это не просто – едва дверь за ней закрылась, в ночи за окном шарахнула молния.

Некоторое время я сидел, втянув голову в плечи, ожидая нового разряда, взбешенного Маршалла, светопреставления, смертоубийства и прочих заслуженных почестей. Потому что Артур Маршалл не выглядел ни надломленным, ни безвольным, ни несчастным. Потому что, всё что мне довелось наблюдать между ними, можно объяснить страхом преждевременной смерти не в большей степени, чем жизнь каждого из нас. Потому что Морган не мою мысль угадала, а высказала то, что гложет её саму. Потому что я не знаю, что именно произошло тогда. Потому что я обосрался от ужаса, встретив непонятное. Потому что вместо того, чтобы расспросить, я поторопился сделать выводы. Потому что я поверил тому, чему приучен был верить. Потому что легче осудить, чем понять. Потому что мне даже не хватило смелости произнести обвинение вслух.

Настыдившись и покаявшись, нервно прислушиваясь к звукам за стенами, не зная, как выразить сожаление, я послонялся по пустому дому, вышел во двор, попялился на стену деревьев на фоне ночного небо, освещённого почти полной луной в прозрачной дымке, наслушался шорохов, шелеста, всплесков и фыркания в серебристо мерцающей листве и траве, не опознал ни единого человеческого звука и вернулся в дом, прилежно задул свечи, пробрался в свою комнату, плюхнулся в кровать, выбирая шаги примирения, с которых мне предстояло начать завтрашний день... и проснулся, когда за серым окном уже молчаливо зрел рассвет.

В доме царила тишина, всё и вся вокруг ещё спало. Я, однако, уже выспался – видимо мои внутренние часы всё ещё поторапливались по отношению к местному времени. Поворочавшись с боку на бок, я встал и оделся, опасаясь потревожить хозяев, прокрался во двор, направился к ближайшему дереву...Ополоснув лицо и руки в кадке дождевой воды у наружного входа в кухню, прошмыгнул обратно в свою комнату и начал писать конспект услышанного вчера. Туман, Медрауд, ритуал, жрицы... ,Свидетельство' Лагфаэта тоже было записано – потом разберусь: где воспоминания, а где – народное творчество. Свет за окном стал палевым, хотя солнца пока не было видно – то ли скрывал его близкий лес, обнявший дом с востока, юга и запада, то ли обманывал меня мой всё ещё слишком резвый метаболизм.

Хозяева не подавали никаких признаков жизни, поэтому я опять выскользнул из дома. Стало уже достаточно светло, чтобы осмотреться, пройти по замеченной раньше тропинке, ведущей в лес, найти ручей, журчащий где-то неподалёку. Тропинка подняла меня к укромной поляне, посреди которой под нависающими ветвями золотого дождя выпирал из травы огромный камень, замшелый снизу, рассечённый трещинами сверху. Из одной трещины лениво выбивалась мутная зеленоватая струя воды и тут же стекала в соседние трещины, распространяя вокруг себя странный, тревожно-свежий запах не то серы, не то озона. Я постоял в нерешительности, пытаюсь сообразить, могут ли эти вещества сосуществовать в растворе, но – поскольку химик из меня никакой – не вспомнил ничего. Зато обнаружил, что вода, опять вытекая из нижней трещины, бежала дальше по обложенной камнями ложбинке, еле заметной в высокой траве. Я пошёл за ручьём. Теперь стало видно, что трава вдоль ложбины отличалась от прочей зелени более густым, иссиня-зелёным цветом. Десятка два шагов ниже ручей из ложбины вливался в почти круглый бассейн около метра в диаметре, так же аккуратно выложенный более крупными камнями. Мутная вода из полного бассейна неспешно и беззвучно перетекала через противоположный ложбине край и опять уходила под землю в расщелину между булыжниками, покрытыми серовато-зелёной слизью. Явно целебный или священный источник, судя по заботе, с которой ему проложили путь. Откуда-то из-за зарослей доносилось весёлое журчание, и я пошёл на звук. Продравшись вниз через кустарник ещё шагов на сорок, я оказался на каменном выступе, из невидимых мне трещин под откосом сочилась кристально чистая вода, собиралась в ручей, резво стекающий по склону холма под выступом, с тем самым плеском, который я услышал ещё ночью. Ночью, когда пытался найти Маршаллов, чтобы извиниться. А сейчас солнце уже показалось над деревьями – тянуть было нечего, следовало вернуться, исправить ошибку, продолжить работу. Дома за деревьями не было видно, хотя наверняка он находился ближе, чем то место, где я свернул с тропинки. Чтобы не плутать зря, вернулся по прежнему пути.

М-ра Маршалла я нашёл на кухне. Он не обернулся, когда я вошёл, так и продолжал стоять спиной ко мне, прислонившись боком к столу, глядя в окно, прихлёбывая из кружки что-то горячо дымящееся, горьковато-медово пахнущее, одетый только в брюки из грубого полотна, достигающие до половины икры, держащиеся на повязанном поверх ткани шнурке на бёдрах. А я пялился на его спину, испещрённую длинными и короткими, толстыми и тонкими шрамами, и на его руку с кружкой, на красного дракона, обвивающегося вокруг предплечья. Со змеиным телом и мощными лапами, крыльями по бокам и гребнем на угловатой голове с разинутой пастью, изрыгающей огонь на запястье, с зубчатым хвостом, кончающимся над локтем. Цвет рисунка уже несколько поблек, обнажая тонкость работы, и, при всей моей неприязни к татуировкам любого сорта, дракон пригвоздил меня своим грозным изяществом. Вот что, оказывается, скрывалось под неизменно спущенными до кисти рукавами Артура Маршалла. Королевский дракон. Пэндрэйгн.

– Кхм... доброе утро, мистер Маршалл. – Он бросил короткий взгляд через плечо и опять уставился в окно. Просить прощения что-то расхотелось. – Где я могу найти миссис Маршалл?

– Зачем.

– Я должен перед ней извиниться.

– Ушла.

Как?! Что значит ,ушла'? Совсем? Куда?

– Как?! – вырвалось у меня

Наконец он соизволил повернуться. Впрочем, ничего хорошего выражение его лица не сулило, и я мысленно втянул голову в плечи.

– К счастью, – процедил он, – Морган скорее верит мне, чем таким вот... судьям. Расслабьтесь. Она вернётся к вечеру. – И прошлёпал из кухни, обойдя меня как кучу дерьма.

Может, дело было в расстроенном метаболизме, а, может, нанюхался я чего у лесного источника, или таким образом выплеснулось подавленное недоумение, страх, смятение... В полном здоровье и в здравом уме я никогда бы не позволил себе так орать, ни на кого. Тем более на м-ра Маршалла, превосходящему меня и в росте, и в физической силе. Как бы то ни было, я догнал его, дёрнул за руку и выпалил в его надменную рожу то, что я о нём думал раньше и то, что пришло мне в голову именно в тот момент. Что он мог бы раззявить, наконец, эту спесивую пасть, что если давать объяснения – ниже его достоинства, пусть молчит в тряпку, когда люди пытаются найти их сами. Пусть глотает всё, что ни напридумано, если с

единственным, чёрт подери, человеком, готовым выслушать его версию, он обращается как с назойливой бабой. Я к вам не рвался, вопил я, и не хрен было меня сюда тащить, если мне не позволено делать собственные выводы. Меня игнорировать можно было бы и оставив за туманом. И вообще, пошёл я собираться. Я влетел в свою комнату, грохнув дверь, начал кидать тетрадки в сумку, какую-то одежду, забил впопыхах тапок под кровать и долго ругался, добывая его. Тапочки, понимаешь, притащил. Расположился, понимаешь. Тайн ему подавай. Уши развесил, чмо доверчивое. Прямо так тебе всё и рассказали, показали, и объяснили. Но пока я корячился под кроватью, запал мой угас. Уже с покорённым тапком в руках плюхнулся в кресло и стал размышлять. О том - о сём, ни о чём конкретном. В конце концов, меня сюда привели же. Силком не тянули и не держали, напротив, позволили взвесить и вернуться – или не вернуться. Ковыряюсь я, всё ж таки в личном. Это для меня всё – история давно минувших дней, материал легенд, фантазий, сказок. Для них – интимное, свежее, живое, болезненное. Наверное, я тоже прятался бы обратно в раковину при первых признаках предубеждённости. Со двора донёсся стук топора. Мириться приходилось с вооружённым Маршаллом. Вдохновляющая, однако, перспектива. А пошёл он..., ругнулся я про себя, нечего мне его бояться. Бояться надо того, чтобы повести себя полным болваном и упустить такой шанс прикоснуться к неизвестному. Пусть у них будут свои интересы – я же не должен забывать о собственных. Глубоко подышав для храбрости, я вышел во двор.

Маршалл, уже переодетый в джинсы и рубашку, рубил дрова на пне возле конюшни, примыкавшей к дому со стороны леса. Работы ему хватало надолго: за спиной лежали 4 обтёсанных ствола, слева и чуть сзади от него – гора чурок, слева спереди – растущая груда поленьев. Я прислонился к стене дома и стал ждать, пока он меня заметит, повторяя про себя: 'терпение, только терпение'. Помашет маленько топором и успокоится. Однако он даже не поднял взгляда. Но начал говорить. Не прерывая работы, не поднимая глаз. То ли всё равно ему было, слушаю ли я, то ли привык к тому, что каждое его слово ловят с величайшим вниманием, то ли просто не умел он перед кем-либо отчитываться...

Морган он стал звать в жёны уже наутро после ритуала. Она отказалась – мол, не годится она ему. Месяц спустя он всё ещё не находил себе места и отправился в Авалон – хотя бы повидаться. Тогда-то она ему и призналась, что бездетна. Больше он не настаивал. Мужчина, не имеющий потомства, не воспитавший ни одного ребёнка, считался мальчишкой, не принимался всерьёз. Тем более король. Бесплодная женщина была достойна жалости, могла быть любимой, но жёнами такие не становились. Сами не шли, потому что не было большего позора для жены, чем воспитывать бастардов собственного мужа. Не было большей глупости, чем принять обещание верности, зная о собственном бесплодии. Такая глупость награждалась презрением. Поэтому он предложил Морган просто с ним жить. Она колебалась, а ему пришлось выслушать проповедь Верховной жрицы. Не положено жрице жить с её подопечным – не ему она должна служить, а Великой Матери, не улаживать его она призвана, но проводить через трудности, чтобы он мог вести доверенный ему народ. Не должно жрице подвергаться искушению богатством и властью – слишком велика её сила. Пусть он удовлетворится тем, что Морган и так будет присутствовать при всех важных решениях, что он всегда может обратиться к ней за советом и помощью, дорогу в Авалон он знает, а засим – до свидания, милорд. В общем, отчитали его как щенка, и ничего нельзя было поделаться, кроме как сердито сопеть.

Такая отповедь и мне бы не помешала. Как будто я не знал, что наши предки были далеко не доверчивыми простаками, что при всех формах власти были механизмы защиты – потому что на верхушке редко сидел действительно *один* человек. Пусть эти механизмы были примитивны, пусть они не всегда срабатывали – да что уж там, и сегодня срабатывают они реже, чем хотелось бы – но были они всегда. Даже при обожествлённых правителях были когорты жрецов, советников, больших и малых начальников, далеко не тёмных и весьма неглупых людей, и далеко не поголовно лизоблюдов, пекущихся только о личном благополучии...

...Две недели спустя Морган появилась в Иске¹⁸ – он жил там с новоявленными родителями, свежееиспечённым королём. Сказала, выбирай: или жрица – или просто Морган. Он выбрал Морган. Она поселилась в доме поменьше этого, в нескольких милях от Иски, в глуши, подальше от любопытных глаз и пересудов. В том доме они прожили 13 лет. Ему пришлось изменять Морган, когда он взял в жёны Гуанамару, несколько месяцев подряд, пока она не зачала их сына, и потом иногда – чтобы слухи не ходили. Поэтому он никогда не требовал от Морган верности. Она сама её дарила. Поэтому он радовался, когда обнаружил, что Гуанамара влюблена в Медрауда, а тот в неё. Теперь было кому позаботиться о королевском потомстве.

Ещё два сына и дочь. Конечно, все они считались детьми Артура. Амхар, Лохолт¹⁹, Элэйн, Медрауд. На последнем имени настоял Артур. Потому что к тому времени он уже начал тихо ненавидеть Гуанамару. Потому что она упорно не соглашалась на развод²⁰. Потому что твердила о святости брака перед лицом Господа. Потому что, тем не менее, от Медрауда отказываться не собиралась. Потому что ужасалась от мысли о разводе и ещё больше – от мысли выйти потом замуж за ‚варвара‘. Да, сам он крестился, перед свадьбой. В приданое получил землю – ту, которую потом отдал саксам. Отец Гуанамары оттуда давно сбежал, саксы там и так селились, но по закону землёй владел именно будущий свекор. Землю саксам пообещал ещё Утр – за помощь у Бадона. Так что, в конце концов, Медрауд забрал всех детей и вернулся к отцу, в Гододин. Да, Амхара тоже. Гуанамара тогда действительно страдала. Говорила, загубил, мол, собственного сына. Почему он должен был жалеть? Он их навещал, уже вместе с Морган. Её они любили, младший особенно, маленький Медрауд. Нет, ничего необычного в этом не было. Артур не хотел, чтобы они выросли такими как их мать. Медрауд тоже не хотел. А кто его знает, за что он её любил. Она была очень красивой, может поэтому. Слабой казалась. Всем хотелось её защищать. Морган побаивались – знали же, что жрица. Ну и что, что бывшая. Сила её никуда не делась. После смерти Утра Играйн рассказала ему о дочери Горлойса²¹. Горлойс был стар, но наследников не имел. Бастардов да – но не законных наследников. Женился на Играйн. Взбесился, когда ребёнок оказался дочерью. Запретил Играйн кормить грудью – чтобы та поскорее зачала следующего. Играйн прикармливала тайком. Горлойс увидел, всучил малышку няньке, сказал, прийдёт на месте, если не уберётся. Нянька убралась, вместе с младенцем. В Тинтагель²² так и не вернулась. Найди её теперь – у Играйн не получилось. Артур особо и не торопился – что ему какая-то сестра, да ещё и наполовину. Тут от жены не избавиться никак, ещё и сестру на шею сажай. Морган к совести взывала. Пообещал же матери – значит, ищи. Нашёл. К тому времени они с Морган уже прожили вместе одиннадцать лет.

Треск разрушаемых поленьев стал оглушительным. Я уже давно сидел в траве с поникшей головой, но представить себе лицо Артура Маршалла не представляло особого труда. Постепенно удары топора стали более размеренными, и я осмелился спросить, что сказала на это Морган.

Морган не знала об этом. Он не решился ей признаться. Конечно, она чувствовала тревогу, подозревала недоброе, расспрашивала. Тогда он поделился сомнениями о собственном родстве с Утром и Игрэйн. Длинная история. Ну, как хотите. Их сына выкрали, когда мальчишке было всего 2 года. Выкрала собственная мать Утра, которая пыталась подвинуть сына сместить Аурелия Амброзия²³. В своё время она поклялась отомстить своему любовнику, бесславно кончившему Вортану Вортайгрну за то, что он, пообещав сделать её королевой, взял в жёны саксонскую принцессу, выставив мать Утра на посмешище. Мечь состояла в том, что именно её сын должен был стать преемником Вортана, следующим Верховным королём бриттов. К счастью, Утр воспитывался не только матерью, но и её братом, Ллин Марином. Так что в самом Утре мечь матери не пустила глубоких корней, он верно служил Аурелию до самой смерти последнего и стал таки Верховным королём, не прибегая к предательству. Когда родился Артур, мать Утра, казалось, уже смирилась, и малыша спокойно доверяли бабушке. В один прекрасный день она пропала вместе с внуком, следы обоих кончались на севере, в Регеде²⁴. Что значит найти следы ребёнка, Артур понял на собственном опыте, когда искал сестру. Бездна дело. Но не всегда, Вот и всё, что было известно про сына Утра и Игрэйн. Самое раннее, о чём помнил сам Артур, – тогда ещё Цедрик – это ворчливый Хектра с его не менее ворчливой женой, Ханной. Саксонец с небольшим клочком земли в Берниции²⁵. Когда Цедрику исполнилось 10 лет, к ним зачастил важный господин, который оказался Ллином Марином. В 11 Цедрик уже был взят к Марину в его огромный дом в Деве²⁶, стал называться Кэрдоком на бриттский манер, подвергся обучению чтению и письму, латыни, греческому, истории, географии, искусству боя и верховой езды – всему тому, что положено знать не менее как принцу, и обращались с ним тоже соответственно. В 16 Кэрдок уже воевал наравне с другими благородными отпрысками, в 17 был у Бадона. Тогда его заметил Утр. Полгода спустя он узнал, что забота Ллина Марина не была случайной. Как старший мужчина в семье, он отвечал за свою незамужнюю сестру. Аурелий доверял Марину, Утр доверял Марину, поэтому для Марина стало делом чести найти мальчишку, украденного его беспутной сестрицей. Но он не нашёл никого более подходящего, чем Цедрик, он же Кэрдок, тогда уже Кэрдок Фрайфрас. Сам Марин не был уверен в том, что нашёл именно Артура. Утр тоже сомневался. И Кэрдок сомневался. Но когда Кэрдока показали Игрэйн, она его вроде как

узнала – сердцем, как она выразилась. И у него не повернулся язык возражать несчастной женщине, свято уверившей в то, что она наконец обрела потерянного сына. В конце концов, Хектра никогда не скрывал, что Цедрик – приёмш. Утр представил его своим соратникам: ‚В Кэрдоке я нашёл своего сына Артура‘. Не придраться. Всё же потребовали ритуала, причём в его исконном виде. Так он встретился с Морган.

Решай сам, ответила Морган на его сомнения, ей всё равно, кто он для других. Смеялась – от неё он не отделается. Пробовала называть его Кэрдоком, но вернулась к ‚Артуру‘ – привыкла уже. И тогда же она согласилась, наконец, выйти за него замуж – когда ни он, ни она уже не будут на виду. Зато Гуанамара опять отвергла развод, а, узнав, что он собирается отказаться от верховного титула, просто разъярилась. Как ни крути, у неё не было много радостей в жизни – кроме Медрауда и положения Верховной королевы. Только Медрауд уже был утерян, а королевство готовились отнять. В общем, заваривалась грязная история. Только тем и вынудил её уйти в монастырь, что пригрозил отречься от детей Медрауда. За такое ей по закону полагалась бы смерть. Через полгода Морган стала его женой, титул передали Константину, потому что Амхару не было и 10, Артур продолжал жить с Морган в том самом доме неподалёку от Иски. Этот кусок земли он себе уже давно отрезал, как-никак королём был, мог себе позволить. А надо было ноги уносить, сразу же после отречения. Потому что Гуанамара в своё время сообразила, что отречение её мужа как-то связано с таинственной золовкой. Может, думала, что сестра подвинула его на отказ. Она тоже начала искать – не сама, конечно, а велела тому-другому. Ей-то это уже ничего не принесло, но в конце концов сестру нашли уже другие люди. Повторили весь десятилетний путь за какие-то два года. Вызвали Артура якобы на совет. Там всё и выпотрошили. Мерзко было. Стыдно – перед Морган, которой пришлось узнать обо всём от чужих. Да, она была там, вместе с ним. Он горел от стыда и не смел поднять на неё глаза. Именно тогда она вспомнила, что она – жрица. Взяла его за руку, и он почувствовал, что он – прав, что стыдиться ему нечего, что вся оргия вокруг смешна и недостойна гнева. Когда у него отбирали оружие и сдирали доспехи, он уже презирал суетящихся вокруг него недоумков. Так и вышел – в рубашке, как простолудин, но с гордо поднятой головой, рука в руку с Морган. И люди пошли за ними. Медрауд, Бедвир, Цинглас, Гутригерн²⁷... Цинрик – предводитель союзных саксов – тоже встал на их сторону. Он-то и дал Артуру убежище.

Заготовленные чурки иссякли. Маршалл снял рубаху, кинул её неподалёку от меня в траву на солнце, улёгся навзничь, раскинув руки и закрыв глаза.

– Дело не в спеси, *сэр Вильям*. Слишком много всего пришлось бы объяснять. Пока объясняешь, поневоле сам начинаешь сомневаться, даже в том, что давным-давно решено... начинаешь оправдываться перед самим собой, исказить в свою пользу... Лучше и не начинать.

– Морган... миссис Маршал так ничего и не сказала?

Он фыркнул, усмехнулся.

– Сказала, сказала. На то она и женщина... чтобы обратить в слова то, чему мужчина боится посмотреть в глаза. Мало ли что я себе думал – на самом деле я именно что в ней сомневался. Это её обидело. Аж на три дня. Потом помирились.

Я невольно улыбнулся. ‚Аж на три дня‘... при брачном стаже почти в тридцать лет – тут, полторы тысячи лет – там...

– Гуанамара, – вдруг вспомнил Маршалл, – не была ни злой, ни сварливой. Она искренне верила в то, что наш брак был заключён в небесах. Она искренне пыталась воздерживаться от всего плотского, изменного в её понимании... она искренне страдала оттого, что не смогла устоять перед Медраудом... хотя перед ним никто не мог устоять... кроме Морган...

– Почему? – спросил я и тут же прикусил язык. Маршалл глянул в мою сторону, хмыкнул и снова закрыл глаза.

– Не из-за меня. Морган и Медрауд одногодки, они росли вместе в Авалоне – он жил там с матерью до 10 лет, потом часто её навещал. Вот он как раз и был Морган как брат. Друг. Или подруга, если хотите. Вставайте! – вдруг подскочил Маршалл. – Есть не хотите? – пояснил он.

Маршалл поставил на стол в гостиной тарелки с сыром, орехами, маслом, хлебом. Глиняный кувшин с вином. Величественным жестом указал мне на стул. Уговаривать меня не пришлось – за воспоминаниями прошло полдня, и в животе уже предательски бурчало. Я спросил, откуда еда, он ответил: из монастыря. Хлеб был грубого помола, ржаной, приправленный незнакомыми пряностями – так, наверное, пекли века назад. Я спросил, почему они не носят одежду по

столь же древнему покрою, что и рецепт хлеба. Он ухмыльнулся, сказал, что эта одежда удобнее. Я спросил, откуда у них деньги – на одежду, на газ, на плиту, на те добротные элегантные костюмы, в которых я видел их на приёме в университете, на шикарное такси. Маршалл насторожился, и мне пришлось объяснять, что вопросы мои вызваны не недоверием и не подозрительностью. В конце концов, всё легко и просто объясняется обманом, мошенничеством – проверить его слова я не могу. Именно потому, что я ему верю, я и хочу услышать его ответы. Тот самый граф, ответил он, помолчав, отдал ему всё имение. Вместе с домом. К дому прилагалась графиня, которая отказалась удалиться вместе с мужем. Я согласился с Маршаллом, что обижаться на неё за это не стоило, такой муж явно не мог её удовлетворить. Для Верховного короля бриттов начала 6 века этот дом казался сказочным дворцом. Он велел провести себя по салонам, искренне восхищаясь редкими коврами, ценными картинами, изящной мебелью, коллекцией оружия и прочими сокровищами. После первого вопроса: «что Вы за это отдали?», графиня гордо называла суммы, выложенные за тот или иной предмет. Не имея ни малейшего понятия ни о фунтах, ни о стерлингах, Артур не забывал складывать названные числа, и в конце обхода потребовал от графини ровно столько же в качестве «годового оброка», не забыв усмехнуться, чтобы уверить мадам в нарочитом употреблении устаревших слов. Точно также, осторожно подбирая слова и не снимая ухмылки, он спросил: «кому Вы доверяете Ваши богатства?» – и графиня назвала нечто совершенно ему непонятное, какой-то «банк». Он выкрутился, повелев «хранить его долю там же». Графиня подчинилась, – более того: она осталась уверенной в том, что жильё ей обеспечили её неотразимые женские чары, – а он поспешил к Морган, ожидавшую его в деревне. Я потряс головой, не понимая связи, и Артур Маршалл ответил на мой давно уже сидевший на кончике языка вопрос. «Морган очень быстро учится, мистер Томсон. Она может дольше находиться за туманом, она быстро читает, моментально запоминает всё увиденное, услышанное и прочитанное. Именно потому, что она – жрица. Особенный человек. И потому, что она – *моя* жрица, она может передать мне всё, что знает сама. Язык саксов, например, она выучила за полгода. Ваш язык, мистер Томсон – за четыре месяца снаружи. Меньше дня здесь. Утром ушла – вечером вернулась. И к следующему утру я уже знал столько же». Я проглотил ,как?’, подробности ночного общения супругов меня не касались. «Так что, кое-что я знал, но далеко не всё нужное. Морган выяснила, как улаживали такие дела в те времена, и подписала от моего имени договор с графиней. Сумма оказалась солидной, но графиня была расторопна и соорудила из своего дома ,романтический отель’, быстро ставший популярным среди богатых, но неблагородных господ». Он назвал отель – действительно, знаменитое и баснословно дорогое место в нескольких милях от городка на краю тумана; в прошлом году один из моих коллег хотел провести там медовый месяц и долго ворчал, потому что место там можно было получить не менее как за полгода вперёд. «Когда подрос старший сын Лагфаэта, часть денег пошла на его учёбу. Он стал юристом. С тех пор он заправляет делами, а мы – только пользуемся».

Получалось складно. Не менее складно, чем картина, опирающаяся на преднамеренную фальсификацию, увлечение мифологией вокруг Артура на грани помешательства, которое могла позволить себе состоятельная пара. Дом на отшибе, принципиальный отказ от электричества, приближённый к естественному образ жизни, плетение альтернативной истории по традиционным источникам. Заманивание доверчивых слушателей, постепенное разжигание интереса – всё для того, чтобы некоторое время почувствовать себя действительно королём Артуром и Морган. С некоторой склонностью к извращениям – оправдание инцеста. Погрузившись в тяжёлые думы, прихлёбывая терпкое вино, я ощутил жгучую потребность открыть дверь и увидеть туман. Неправдоподобно густой туман, разорвавший время. «10 дней», напомнил я себе, «10 потерянных дней». Не считая дождя, огня, молний, чужого поцелуя, очень чужой менструации.

Артур Маршалл наблюдал за мной, опять презрительно скривив губы. Мол, хочешь – верь, не хочешь – наплевать. Встретив мой взгляд, он хмыкнул. «Случались и удачи, мистер Томсон. В это труднее поверить, чем в дождь по приказу?» Нет. Не должно бы. Я виновато улыбнулся, лицо его разгладилось, и он поднялся: «Ладно. У меня ещё дела». Предложив свою помощь и получив отказ, я с чистой совестью устроился за столом в своей комнате, достал тетради и по свежим следам составил конспект. От Вотана Вортайгна к Ллину Марину и его «непутёвой сестрице», от них – к Аурелию и Утру, дальше к Цедрику-Кэрдоку-Артуру-Цедрику. Не забыть о Цинрике. В *нашей* истории – основатель Вэссекса, вместе с Цедриком. Записал вопросы, которые следовало бы задать, опираясь на достоверные данные по тому

периоду. Посокрушался из-за отсутствия таковых: недаром это время называют «тёмными веками», имеем мало, а то что имеем – истории правления, апологии, агиографии – сплошь списки из более поздних веков, дополненные или подчищенные в соответствии с актуальными нуждами, симпатиями, представлениями. Порадовался своей предусмотрительности, заставившей меня уложить в сумку копии некоторых документов, относящихся к ,периоду Артура ' – хорошо, что сумел побороть здравый смысл, усмехнулся я. Пометил, о чём ни в коем случае нельзя было забыть: выяснить, какого возраста предметы в этом доме, может быть, я смогу хотя бы взглянуть – если уж не привлечь в качестве доказательства – на материальную культуру давно минувших времён. Спросить, что ели, как одевались, где жили. Не забыть про оружие – наверняка что-то где-то есть. Организация армии. Военные стратегии. И так далее. Долго размышлял над тем, стоит ли записывать историю Артура и Морган, всё-таки весьма личное. Записал: выбросить-то всегда можно, а некоторые сведения о социальных отношениях можно почерпнуть, не выдавая действующих лиц. Когда я, потягиваясь, вышел из дома, солнце уже погрузилось за лес наполовину. Куча поленьев возле конюшни исчезла, а м-р Маршалл как раз спешился с Блэка, потрепав его за холку и отпустив пастись.

– Где всё-таки миссис Маршалл?

– В монастыре.

– Можно узнать, почему?

– Можно. Она обучает жриц тому, что умеет сама.

– Много жриц?

– Одиннадцать женщин, пятнадцать детей, девять из них – девочки, но только шестеро унаследовали от матерей необходимые способности. Не смотрите на меня так – я тут ни причём. Жрицы вольны уходить и приходить когда им вздумается, а что касается детей – если такая женщина только возжелает мужчину, он уже будет дрожать от готовности. Да что ж Вы всё время краснеете? Естественные же вещи...

– Долго Вам ждать, пока 117 наберётся, – перевёл я разговор.

– Девчонки подрастут – отправим их на пару дней за туман. Пусть возвращаются с потомством. Что Вам опять так не нравится?

– Вы о них как... как о племенных коровах говорите.

– Вздор. Женщина рождает детей – таков закон природы.

– Но не только же рождает!

– Конечно не только. Причём тут коровы?

Я послушно проследовал за ним на кухню, размышляя о том, кто, собственно, видит в матери племенную корову, и пришёл к неутешительному выводу. Между тем Маршалл начал копаться в шкафах, вынимать склянки, мешочки, коробки с какими-то травами, семенами, сухими ягодами – я нервно присмотрелся, выискивая сушёные лягушачьи лапки и приструнил себя за подозрительность, – потом начал разжигать огонь в печи, выпирающей из угла между кухней и гостиной.

– Что это будет?

– Напиток богов, – усмехнулся он. – Не бойтесь, варить будет Морган, я только подготавливаю.

– В честь чего?

Маршалл глянул на меня так, как будто я спросил несусветную глупость, но смягчился, видимо, вспомнив, что для меня время могло течь всё ещё иначе.

– Сегодня – Белтайн.

Мне стало муторно. Белтайн – праздник зарождения жизни, благословение плодородию, ритуальная свадьба богини-земли и бога-солнца, что на практике выливалось в оргии, участвовать в которых у меня не было ни малейшего желания. Деловитость и целеустремлённость Маршалла в подготовке этого... шабаша вдруг показалась мне непристойной. Я всё ещё кривился, когда он, поставив медный котёл с водой на огонь, спросил с явной издёвкой:

– Вы опять о коровах думаете?

От ответа меня спасла мс-с Маршалл. Неслышно появившись за моей спиной, она направилась к мужу, скользнув по мне взглядом. Ей пришлось встать на цыпочки, а ему – наклонить голову, чтобы поцеловаться. Я скромно отвёл глаза. Он что-то спросил на своём

языке, она ответила «Нозми» и добавила: «Можете идти». М-р Маршалл кивнул мне в сторону комнаты, но видя моё замешательство, вышел сам, оставив меня с мс-с Маршалл наедине, дав мне возможность, наконец извиниться. Мифы, конечно, врут, оправдывался я, но ведь на то они и мифы, чтобы унять тревогу и поселить надежду, чтобы дать объяснение, выделить светлое и тёмное, доброе и злое... они призваны упрощать и потому искажают. Конечно, говорил я не так гладко, но мс-с Маршалл терпеливо выслушала мою смущённую исповедь и в конце даже слегка улыбнулась. А потом настала моя очередь хлопать глазами. Наверное, этому следовало случиться, вдруг сказала она. Дать объяснение, показать причины – хоть какие-то, пусть заведомо ложные. Успокоить. Наше знание охватывало весь мир, превосходя возможности понимания обычных людей. Потому оно и передавалось только избранным, заведомо способным его принять, игнорируя желание прочих понять хоть что-то, оставляя их в недоумении. Ничего удивительного, что эти прочие с радостью приняли объяснения, придуманные не менее ограниченными людьми. Мир цветной был назван чёрно-белым, кто никогда не замечал цветов – тот успокоился, кто видел их – начал задумываться об их природе, учиться понимать их игру... может быть, именно так прежнее знание избранных станет когда-нибудь достоянием всех... Вот так-то. Мс-с Маршалл, жрица первобытной богини, колдунья со зловещими ушами привела мне апологию христианства, назвав его цепями, которые способен был почувствовать, против которых вынужден был восстать самый примитивный разум... не будучи верующим, я не знал, обижаться мне или, напротив, благодарить её за вроде как благословение на витиеватом и часто кровавом пути освобождения от чёрно-белых догм... или просто смеяться – потому что при всём при этом она отмеряла, соединяла, толкла, перемешивала составляющие таинственного зелья в честь совокупления богов. Прощение принесло краткосрочное облегчение, которое тут же оказалось раздавленным новой грудой вопросов: о знании «сразу обо всём», о невозможности переложить его в общедоступные образы, о способностях это знание воспринять, и о том, как же его тогда передать... я смутился ещё больше, вспомнив реплику м-ра Маршалла об изучении языка всего за одну ночь...

Морган вырвала меня из раздумий.

– Вас никто не заставляет, мистер Томсон.

– Что?

– Праздновать с нами.

Чёрт. Пора бы мне научиться владеть своей мимикой. Перестать краснеть.

– Спасибо.

– Об одном я Вас всё же попрошу. Пожалуйста, не зажигайте огонь в доме. Ни свечей, ни в печи, до самого рассвета.

Мне пришлось пообещать. Но времени терять не стоило – солнце неумолимо приближалась к кронам деревьев, и я отправился искать хозяина: к списку вопросов, составленному накануне я ещё и не приступал. Оказалось, что Артуром Маршаллом разговаривать было легко и просто – когда тема не касалась его личной жизни. Я приводил то, что считалось известным, он комментировал, иногда совершенно нехарактерно вздевая брови в изумлении и раздражаясь то смехом, то пространными ругательствами. Я спрашивал, он отвечал, без понуканий, мне даже показалось – с удовольствием погружаясь в воспоминания.

Да, Аурелий Амброзий был у Бадона, это полностью его победа, он её спланировал и подготовил, хотя был уже очень стар и слаб, и в самой битве не участвовал. Утр Пэндрэйгн там был, и семнадцатилетний Кэрдок Фрайфрас. Да-да, было такое, многие держались за римские титулы: Дукс Беллорум, у Бадона – именно Утр и никто другой. Были, были там Артуры, Артвисы, Артоны – из Гододина, из Дамнонии, Роса, Повиса, Элмета²⁸. Хорошее имя, мужественное, многие носили. Может, были и ещё – у Бадона собрались все силы бриттов. Что-что? «900 в одиночку»?!!! Поставить бы этого писаку перед такой толпой – утонул бы в собственном дерьме от страха. Да, Утр стал верховным королём, через полгода, правил всего год, он был болен и поэтому торопился найти преемника. Да, видимо, уже у Бадона присматривался. Старый лис Ллин Марин наверняка подсказал Утру, на кого следовало бы обратить внимание. Я принёс карту, и м-р Маршалл, повертев её пару раз перед глазами, проставил кресты: Бадон вот здесь, Камланн – вот он, река Глейн – именно эта, Бассас²⁹ – да, было. Вот тут. Два сражения на северо-западе, уже как Артур Пэндрэйгн. Здесь и здесь. Что значит «не хватает»? Что значит «должно быть 12»? Выдумайте себе – вперёд, одной дракой больше, одной меньше, какая разница? Капе-что? Камелфорт знаю, Камелодум знаю. Нет, у меня

Камелота³⁰ точно не было. Я жил в Иске... точнее, неподалёку. Укрепления? Были, конечно – на западе и востоке, юге и севере. На римский манер – несколько больших укреплённых гарнизонов в тылу, множество мелких по границам и патрули от гарнизона к гарнизону. Отпрысков пристроил – пусть там командуют, вместо того, чтоб друг друга задирать. Здесь, здесь, вот тут, тут ещё один. Вы скоро ничего под крестами не увидите, мистер Томсон. Пикты были союзники, а не противники, с тех пор как Утр спустил Лоту изгнание Цингара³¹. Очень просто: Лот сел в Брунайхе и оставил голым свой тыл – а там скотты³² тут как тут. Утр помог Лоту против скоттов на севере, Лот помог Утру против скоттов на северо-западе и англов³³ на северо-востоке. Уж как посмотреть: то ли Лот расширился на юг, то ли Утр – на север. Пошаливали, конечно – и пикты, и бритты, в равной степени. У Бадона? Саксы с юга. Потому и начали роптать, что больше года не получали обещанную Утром землю. Пообещал, а потом засомневался. После Бадона все были основательно обескровлены, но саксов прибывало, а нам помощи ждать было не откуда – свои на континенте еле успевали от франков отбиваться³⁴. Не до драки. Так что, первым делом пришлось им землю выделить – вокруг их первых колоний. Да, именно поэтому Гуанамара. Так саксы эту землю потом и звали: Гвиссе³⁵, 'то самое', то есть обещанное. Ну, не знаю. Тогда значило именно это. Вот здесь, да, с выходом к морю. Нет, не страшно было. Видите ли, мистер Томсон, вот эти – по восточному берегу, те, действительно, больше грабить приходили – свободный морской путь сюда и обратно. А вот эти, на юге, селиться хотели. От грабежа им толку мало было, сюда ещё запросто, а обратно – либо делись с сородичами, либо носа не высовывай. Да, да, Цинрик был у них главный. Я там часто бывал – чтобы не забывали, что над Цинриком ещё есть кто-то. Были, как же без недовольных. Когда потише стало – вспомнили вдруг, что исконно британская земля. То, что саксы сами за неё кровь проливали, рядом с нами – как-то позабылось. Патриоты, так их растак. Саксов защищать приходилось – чтоб не обратились к своим драчливым сородичам на востоке. Мне же и приходилось – пусти самих саксов защищаться – опять всё начнётся сначала. Да, доверяли. Меня многие ещё с Бадона помнили, так и продолжали Цедриком звать. Меня к ним тогда поставили. Потому что я на их языке свободно говорил – Хектра и Ханна как, думаете, друг с другом разговаривали? Сэр Экториус³⁶? Не знаю такого. Вы что, серьёзно? Какой крест³⁷? Какая божья мать? На плечах, говорите? В бою?!! Морган, закрой дверь, это не для твоих ушей!

Я заметил, что уже опустились сумерки, лишь когда мс-с Маршалл тихо вошла в комнату и встала позади мужа, положив ему руки на плечи. «Идём», сказал м-р Маршалл, и добавил в мою сторону: «На сегодня всё». «На кухне Вы найдёте еду, мистер Томсон, советую не откладывать ужин до темноты», произнесла его жена уже из двери, «спокойной ночи». Вняв доброму совету, я поспешил на кухню как только дверь за обоими закрылась. На кухонном столе было выложено холодное мясо, хлеб, давешний кувшин с вином. Печь оказалась тщательно вычищенной – как и камин в гостиной. Заготовив себе пару бутербродов и убедившись в том, что хозяйева уже скрылись из виду, я отправился в обход дома. Дверь слева от камин вела в тёмный коридорчик с тремя выходами: один – в конюшню, второй – во двор, третий – в баню. Или даже терму, в лучших традициях античного Рима, но из доступных материалов. Вдоль стен по периметру бежал каменный выступ-лавка, прерывающийся лишь у двери и у печи, торчавшей из угла, как и на кухне; такими же камнями был выложен пол и углубление посередине помещения, размером метр на два, глубиной с полметра. Я поискал место для стока воды, ничего не нашёл в тени стен бассейна, вернулся в гостиную. Взвесив наскоро – сумерки стремительно сгущались – все 'за' и 'против', прошёл в спальню Маршаллов. В стене, смежной с моей комнатой, помещался камин, напротив – покрытая вязаным пледом кровать, под окном – столик с подсвечником, два кресла, направо от двери – комод с зеркалом. Вся мебель примерно того же возраста, что и в моей комнате... видать, антиквариат из графских покоев. Дверь справа от кровати. Заметив её, я понял, что эта комната меньше моей. Потоптавшись в сомнениях, я всё же открыл эту дверь. В сумраке можно было распознать пару старых шкафов, комодов, сундуков... я облегчённо вздохнул: больше всего я боялся найти здесь электрогенератор, или холодильник, или телефон – свидетельства умышленной мистификации. Напротив двери что-то матово блеснуло, и я подошёл поближе. В углу, прислонённый к стене, стоял меч в ножнах из грубой кожи, отполированная металлическая полоса по верхней кромке ножен отражала тусклый свет из окошка в стене слева от двери. Затаив дыхание, я взял оружие в руки. Меч мистера Маршалла. Меч короля Артура. Кэлудвулч, Калибурн, Эскалибур... Вес солидный, рукоятка, рассчитанная на руку поболее моей, целиком обмотана полоской кожи, шелковисто-гладкой на ощупь, мягко ложащейся в ладонь, вращая в неё. Короткий эфес из тёмной стали. Грубая,

жѣсткая как фанера, потѣртая кожа ножен, с несколькими поперечными полосками полированного металла – то ли украшение, то ли нечто функциональное. С трудом удерживая в одной руке оружие размером мне почти что по грудь, я стянул ножны. Холодно и сурово блеснула сталь. Я ухватил рукоятку и, трепеща от гордости и от страха внезапного разоблачения, попытался взмахнуть мечом. Не вышло – не на мои мускулы был он рассчитан. Прав был Лагфаэт: знатное оружие. По весу и по исходящей от него немой грозной силе. Пристыженный, я вернул оружие в ножны, порезав неловким движением палец – меч оказался заточенным. М-р Маршалл держал оружие в порядке. Я представил его, сидящим в этом тихом уютном доме вдали от мира со всеми его сегодняшними проблемами, молчаливо протирающим полотенце, подтачивающим лезвия, в бездействии не теряющим своей остроты... прячущим оружие в чулан, к старому барахлу... Вряд ли он не понимал, насколько он лишний в мире за туманом – с его отжившими талантами, с его никому не нужной правдой, с его продолжающейся жизнью...

Посасывая порезанный палец, чтобы не наследить кровью, я осторожно прикрыл за собой двери, и как воришка пробрался на кухню, налил себе полный стакан вина, прошлѣпал в свою комнату почти в кромешной тьме, выпив вино залпом, упал на кровать. Может, я неправильно оценил Артура Маршалла. Может быть, собственная жизнь – для него ценность сама по себе, и он умеет ей наслаждаться в любых обстоятельствах. Но что-то подсказывало мне, что дело тут в другом. Сам он не рвѣтся за туман и не горит желанием его рассеять, это Морган пытается развалить темницу, в которую она невольнo заточила Артура... дать ему свободу, которой он не сможет воспользоваться – он не принадлежит нашему времени. И уже никогда не будет принадлежать. Для историков он бездоказателен, для романтиков – слишком приземлѣн. Мистер Маршалл – взращѣнный саксонцем, попавший на престол за неимением настоящего наследника, отец чужих детей, неверный муж, но верный любовник своей вполне может быть сестры, спихнувший жену в монастырь путѣм шантажа, силой принудивший драчливых британцев жить в мире с не менее драчливыми саксами – не был, не мог быть славным королѣм Артуром наших легенд. Не страдал он от измены жены и друга, не стыдился связи с Морган и не каялся, не гнал пришельцев взащей, не нѣс благую весть варварам, не искал приключений себе на голову, ничего не знал о Граале... Зато был любим народом, хотя бы теми же саксами, и явно дразнил лордов одним своим существованием. Потому и молчит о нѣм святейший Гилдас³⁸ всего пару лет после Камлана – упомянуть Артура значило бы признать, что потерпела поражение политика противостояния, подавляемая Артуром и возобновившаяся после битвы у Камлана, признать, что прав был именно Артур – при всех его пороках. Легче было свалить всё на варваров-завоевателей и на грехи британцев. Тех, что ушли с Артуром к саксам, тем самым притормозив союз принявшего их Цинрика с восточными соплеменниками. Но Артур продолжал жить в памяти людей, стал героем передаваемых из поколения в поколение историй – и в конце концов сильные мира сего вплели его в свои родословные, поэты подчистили его биографию, свалив всё неприглядное на Морган. И под тяжестью выдуманных обвинений Морган согнулась... Артур ещё держит её, но он в одиночку не может противостоять многовековой лжи... лжи, выгораживающей его и порочающей Морган, поэтому он и ведѣт себя так вызывающе... потому что он именно такой, а вовсе не ангел в белых одеждах, поэтому он согласился разрушить темницу – чтобы Морган поняла, что заперт он был не из-за оплошности, тем более – её злого умысла... что заперт он был вовсе не ею.... чтобы она разогнулась...

Сначала я думал, что проснулся от духоты. Но ночь – судя по длинным теням от полной луны – как раз приближалась к концу, наполняя комнату свежим, сочным, чистым воздухом, который хотелось пить взахлѣб. Духоты не было, но было какое-то смутное томление, беспокойство, не утоляемое жадными вздохами... Я лежал, прислушиваясь к себе, к звукам ночного леса: шѣпоту листьев, мягкому всхлипыванию какой-то мелкой зверюшки в траве, нежному фырканию лошадей в конюшне, осторожному зову ночной птицы, шелесту, шуршанию, журчанию... ночь была переполнена этими звуками... ночь заряжала меня непонятным ожиданием... звала присоединиться к восторженному умиротворению, с каждым новым звуком, с новым глотком воздуха находившему и откатывающемуся огромными медлительными волнами... Я неторопливо оделся и вышел из дома. Луна бледнела, а небо светлело, в предрассветных сумерках слегка серебрилась трава и ветви деревьев, мерцала и терялась в темноте леса тропинка.

Спать не хотелось вообще, возвращаться в постель не было смысла. Огня я пообещал не зажигать до рассвета, так что можно было и прогуляться, посмотреть, куда выведет эта тро-

пинка за источником. Пару раз по пути я обернулся – мне всё казалось, что меня кто-то преследует – и не находил ничего, кроме неподвижных расплывчатых теней. В десяти шагах после источника тропинка резко свернула направо и повела к вершине холма, сквозь заросли, стволы и кроны впереди мелькнуло небо, я вышел на поляну и тут же застыл: в дымчатом свете уже поблекшей, но здесь ещё выступающей над кронами деревьев луны передо мной возвышались камни. Огромные камни высотой в полтора человеческих роста, около метра в основании, выстроенные в круг на расстоянии меньше метра друг от друга, перекрытые в некоторых местах плоскими булыжниками. Стоунхэндж³⁹ в уменьшенном масштабе. Чуть ли не дрожа от благоговения, я осторожно приблизился к ним – и увидел мс-с и м-ра Маршалл.

В середине круга ещё тлел огромный костёр, а рядом с ним, в тени камня спали, сплетясь, мои хозяева – невозможно было различить, где чьи руки и ноги, я прищурился, чтобы лучше видеть – и тут же устыдился, отступил в тень, вернулся на тропинку и поспешил назад, к дому. Уже за источником я остановился как вкопанный. Костёр еле тлел, камни бросали густую тень на пару, но она... светилась. Это было настолько немыслимо, что мне понадобилось время уложить увиденное в сознании. Теперь же картина насмешливо торчала перед моими глазами: тонкая прозрачная дымка, окутывающая тела и скрывающая контуры, мерцающая в ритме сердцебиения... Я сглотнул. Наверное, что-то фосфоресцирующее, успокаивал я себя, зная, что это наверняка не так – этот мягкий свет был тёплым, золотистым, живым... Я нерешительно оглянулся – подсматривать в такой ситуации низко, даже и для удовлетворения исследовательского любопытства... «Не мешай им», выдохнул кто-то над моим ухом, заставив меня вздрогнуть и обернуться в ужасе. Женщина или девочка, ростом с мс-с Маршалл, с такой же тёмной косой, в длинном светлом платье смотрела мимо меня в сторону каменного круга. Её черты в сумерках предрассветного леса различить было трудно, но голос выдавал улыбку. «Я могу тебе показать всё, что ты хочешь знать». И тогда она посмотрела мне прямо в глаза.

Артур Маршалл не преувеличивал. Этого взгляда было достаточно, чтобы забыть всё вокруг, чтобы хотеть только одного – погрузиться на дно этих глаз, впиться в тёплое податливое тело, слиться, соединиться, раствориться... но после того, как мир перед моими глазами рассыпался фейерверком алых брызг и погрузился в кромешную тьму, наступило не протрезвление, наступило... прозрение... Паря в пространстве, не ощущая себя, не чувствуя границ, я вдруг осознал, что я – это весь мир, прислушавшись, присмотревшись, я выделил из себя облака и лёгкий ветерок, бесконечную пену листвы, волны океана, набегающие на берег, струящийся свет луны, мириады живых существ в восторге рождения, людей... себя самого... в объятиях безымянной волшебницы... подарившей мне акт *творения*...

*

Телефон зазвонил настойчиво и резко. Джон Филдинг попытался от него отмахнуться и чуть не сбил трубку. Не обращая внимания на его мрачное «Да?», жизнерадостный голос с рецепции сообщил ему время: 7:00. С неприязнью косясь на тетрадь, лежащую возле кровати, он поднялся и прошёл в ванную. Вчера он бросил читать, не дойдя до конца, хотя оставалось всего несколько страниц, но эротические фантазии собственного отца – пусть даже номинального – отбили у него охоту к чтению окончательно. Уже после первого десятка листов он догадался, что двинутый Вильям Томсон сочинил фантазийную вещицу, и заловил его псевдонаучными намёками в надежде, что сын захочет её издать. Ну да, другого наследства он не оставил – может, рассчитывал, что книжица принесёт доход. Умывшись, побрившись, одевшись, Джон нехотя пролистал последние страницы:

«...Белтайн и Сэмхэйн всегда совпадают с 1 мая и 1 ноября снаружи...»

«...прикован к месту из-за времени, сделайся туман обычным – Артур смог бы выбирать...»

«...вовсе не порезы, а ожоги, от раскалённого металлического прута. Нельзя было иезуитам проливать кровь...»

«...только супруг жрицы может пройти через туман – если она хочет его видеть...»

«...назвать его Медраудом, и Ноэми согласилась. «Не задерживайся», просила она, «навещай нас». Я пообещал когда-нибудь вернуться насовсем – если она меня тогда ещё примет...»

...и положил тетрадь в коробку, даже не заглядывая в прочие «документы». И без того было ясно, что его отец перелопатил кучу материала, соединив истину с вымыслом для пущей достоверности. Только вышло из этого месиво физических, исторических, биологических нелепостей. Ему это не нужно. Позорить себя такими измышлениями он не собирался – слишком дорого далось ему его доброе имя.

Сдав коробку незнакомому клерку в банке, он пожившись вышел под дождь, уселся в машину и отправился домой. Он уже не видел, как в банк вошёл высокий видный мужчина и маленькая женщина с необычной косой, не слышал приветствия клерка, сопровождаемого подобострастным поклоном, не видел разочарования на лице женщины и горькой ухмылки мужчины, обнаружившего коробку в сейфе, проверившего, все ли документы на месте: свидетельство о смерти, подписанное неким М.Г.И.Лагфаэтом; соболезнования некоего фонда ‚Маршалл‘, выраженные его управляющим, тоже Лагфаэтом, но уже П.Г.И., совместно с оповещением о покрытии фондом расходов на похороны; многочисленные выписки из архивов, заверенные уже другими людьми; выписка из регистрационного документа некоего отеля, принадлежащего тому же фонду; визитная карточка маленького пансиона всего в полтораста милях от Конвэя; тетради с таблицами дат, имён, мест; географические карты, испещрённые крестами, стрелками, именами, титулами, датами, аккуратно упакованного исписанного лоскута пергамента... Конечно же, Джон Филдинг не слышал успокоительных слов высокого мистера его явно подавленной спутнице, впрочем он их бы и не понял, потому что произошли они на давно преобразившемся языке. «Вильям не расстроится – он этого ожидал. Лишнее, так лишнее. Выше нос, Ноэми – у вас теперь тоже куча времени».

Примечания

¹ От немецкого: „Kirche-Küche-Kinder“, т.е. „церковь-кухня-дети“.

² Буквами греческого алфавита этологи обозначают ранговый потенциал животного: альфа – высший, омега – низший. Ранговый потенциал – врождённое качество у всех стадных животных, позволяет создавать стабильные иерархии в стаде. Присущ также и людям, несётся и распознаётся на инстинктивном уровне, хотя уже не играет существенной роли в социальных иерархиях.

³ Dux Bellorum (лат.) – дословно «господин битвы», титул главнокомандующего военачальника, приписывается легендарному королю Артуру. Pendragon, «голова дракона», «главный дракон» – фамилия или титул, означающий главного военачальника, связываемый преданием с королём Артуром, Vortigern – не то фамилия, не то титул одного из достоверно исторических предшественников короля Артура, как титул мог означать «высший», «главный». Маршалл – от англ. Marshall, тоже высшее военное звание и распространённая фамилия.

⁴ От ‚Сумгру‘ – собственное обозначение валлийцев как для их народа, так и для языка.

⁵ Согласно валлийским легендам, сформировавшимся не позже 8 в.н.э., коня короля Артура звали Лламрай, его пса – Кабал. Название меча – Эскалибур – появляется в романтической поэзии около 14 века, валлийцы продолжали называть меч Кэлудвулч (Calwdwvlch, в латинизированной форме Caliburn).

⁶ „Annales Cambriae“, ок. 995 г.н.э. – утраченный письменный документ, на который ссылаются многие последующие авторы, в т.ч. и безотносительно Артура. По более поздним спискам, „Annales Cambriae“ (История Уэллса) содержал всего одну упомянутую запись об Артуре, относя его смерть на 539 год.

⁷ От Uther Pandragon и Igraine – по преданию, родители короля Артура.

⁸ Caradoc, или Ceredic Vreichvras – историческая личность, фигурирующая в летописях, принц, позднее правитель Гвента (Gwent, Wales) на рубеже 5 и 6 веков. Хронология, к сожалению неточная – расхождения между действительными и указанными датами могут достигать от 12 до 24 лет, по причине тогдашнего метода отсчёта от религиозных праздников, выпадающих на разные даты.

⁹ Историческая битва у Бадона, фигурирующая во многих летописях, приостановившая нашествие саксов на срок от 20 до 40 лет. Произошла или в конце 5 (около 496 г.), или в начале 6 (около 504 г.) века – см. прим. 8., замечание о датировке.

¹⁰ Cedric, или Ceredic – один из основателей Вэссекса (Wessex, UK), совместно, чуть позже, или чуть раньше Цинрика (Cinric). Многие исследователи соглашались в том, что имя Cedric – британского (кельтского), а не германского происхождения, т.е. Cedric скорее всего, германизация кельтского Ceredic, в другом прочтении – Caradoc. Само имя Caradoc было весьма распространённым среди бриттов.

¹¹ Один из основных языческих праздников в годовом цикле.

¹² Торк (от torque) – традиционное украшение и знак отличия у кельтов, носили вокруг шеи: незамкнутый обод из одного или нескольких переплетённых толстых металлических прутьев с украшенными круглыми наконечниками.

¹³ Gododdin – древнее королевство или княжество на юге сегодняшней Шотландии, название происходит от наименования племени (клана) Votadini. Просуществовало как самостоятельная единица под этим именем до конца 7 в.н.э., под именем Dunbar – до конца 13 века, после чего влилось в Шотландское королевство.

¹⁴ Женевьева, Гиневра, Гуанамара – имена, приписываемые жене короля Артура, в поздней романтической литературе изменившей королю с рыцарем Ланселотом.

¹⁵ Пикты – полностью исчезнувший или интегрировавшийся народ, населявший север Британии, так и не завоёванный Римской империей. К пиктам относилось также племя (клан) Votadini.

¹⁶ Авторское словотворчество из кимрских (валлийских) корней.

¹⁷ В легендах после 13 века окончательно оформилась фигура Морган: сестра Артура, знаток магии, тщащаяся свергнуть его с престола, и не гнушающаяся никакими средствами, в т.ч. и инцестом. Эта роль приписывается ей, по-видимому, впервые в The Vulgate Cycle (1235) – сборником легенд и преданий, составленным монахами ордена Цистерцианцев.

¹⁸ Iska (Silurum) – древний центр кельтского племени (клана) силуров, впоследствии – крупный римский гарнизон (Caer Legioni), сегодня – Карлеон (Caerleon), город на юго-востоке Уэльса, в Гвенте.

¹⁹ Amhaag и Lloholt – сыновья короля Артура из ранних легенд. По преданию, Артур убил своего сына Амхара при неизвестных обстоятельствах. В поздних легендах (13-14 вв.) появился так же Модред – как сын из связи с Морган, взращённый матерью в ненависти к отцу.

²⁰ Развод, очевидно, существовал в законах британских кельтов. Самый ранний известный кодекс «Хуала Справедливого» («Hwel Da», Уэльс, 11 век), опирающийся на более древние традиции, оговаривает нормы разделения имущества при разводе.

²¹ Gorlois. По преданию, муж Игрэйн в то время, когда Утр Пэндрэйгн воспылил к ней любовью и с помощью колдовских чар Мерлина принудил её к совокуплению (представ перед Игрэйн в образе её мужа). Результатом этой связи стал Артур. Исторических подтверждений ни самому Горлойсу, ни измене не обнаружено.

²² Живописная местность в сегодняшнем Корнуэлле, с развалинами древнего замка или укрепления. По преданию – центр правления Горлойса.

²³ Здесь и дальше в абзаце: Aurelius Ambrosius, Vortain Vortigern, Myrddyn Llyn Marini – исторические фигуры. Многие исследователи считают Myrddyn Llyn Marini прототипом колдуна Мерлина, советника и помощника Аурелия, Утра, Артура.

²⁴ Reged – достоверно существовавшее королевство на северо-западе сегодняшней Британии (южнее Шотландии). В конце 7 в.н.э. было сметено германскими племенами саксов, англов и ютов и включено в состав Нортумбрийского королевства.

²⁵ Bernicia – сначала колония, потом всё более мощное государство на северо-востоке сегодняшней Британии, основанное германским племенем ютов, призванных в середине 5-го века Вортаном Вортайгерном на помощь в защите от пиктов. Зародыш позднего королевства Нортумбрия.

²⁶ Deva – столица британского племени ордовитов, позднее – римский гарнизон (Caer Legioni), сегодня – Честер (Chester), северо-восток Уэльса.

²⁷ Частично – легендарные, частично – исторические имена, в основном, из обвинительного памфлета св. Гилдаса «Падение Британии» (ок. 540 г.н.э.). См. также примечание 38.

²⁸ Названия британских королевств, племенных государств 5-6 веков.

²⁹ Названия некоторых мест знаменитых «12 битв Артура» из трактата Нениуса «История Британии», написанного в конце 9 века.

³⁰ Камелот – столица короля Артура, впервые появляется в романтической литературе конца 12 века. Введён автором Кретьеном де Тройе (Chretien de Troys), ссылающемуся при этом на якобы известные ему достоверные исторические источники.

³¹ Singar – король государства Bryneich, располагавшегося к югу от Гододина, где в то время должен был править Лот. Как оба короля, так и оба государства – достоверно историчны. Отношение между ними, однако – желание автора, впрочем, не без исторических оснований.

³² От Scotti – бриттские (кельтские) племена, населявшие Ирландию (тогда – Эрин), не попавшие в состав Римской империи, не подвергшиеся цивилизации, постоянно совершавшие грабительские набеги на бриттов, к 8-9 веку выместившие или полностью интегрировавшие в себя пиктов на севере, создав таким образом основу шотландской нации – сравн. Scotland.

³³ Среди германцев, оказавшихся на британских островах, было несколько племён, самые известные (самые многочисленные) – юты и англы на севере, саксы – на юге.

³⁴ Британские кельты всегда оставались в тесной связи с кельтами на севере сегодняшней Франции (бретонцы, галлы). Начиная с конца 4 века на континенте участились набеги северно-европейского племени франков (скорее всего, множество племён с самым крупным или самым воинственным, давшим название всем завоевателям).

³⁵ Hwisse, или Gwisse, или Gewissae – непонятным образом возникшая в конце 5 века, явно германская колония, окружённая британскими землями. Опираясь на лингвистический анализ различных прочтений названия, на археологические и летописные данные, специалисты полагают, что колония возникла как поселение союзных германцев. Впоследствии Гвиссе воссоединилась с другими германскими территориями, вытеснив британцев и войдя в состав германского Вэссекса.

³⁶ По преданию сэр Экториус вырастил Артура, после того как мальчик был отнят Мерлином у родителей – в плату за колдовские услуги.

³⁷ 900 противников, крест на плечах, икона Божьей Матери и прочее – «факты», приведённые Ненниусом в его «Истории» в подтверждение величия и праведности короля Артура. См также прим. 28.

³⁸ St.Gildas' „Of the Ruin & Conquest of Britain“, составлен изначально около 540 г.н.э., сохранился в более поздних копиях. Содержит страстные обвинения язычников во всевозможных грехах, называя эти грехи причиной возобновившейся деятельности германских завоевателей. Ни одного прямого упоминания об Артуре, но витиеватые намёки на некоего «медведя» во главе во всём виновных безбожников (кельтский корень «arth» означает именно «медведь»).

³⁹ Stonehenge – одно из многочисленных мегалитических сооружений неизвестного происхождения и, скорее всего, культового предназначения, воздвигнутые во многих местах Европы, в т.ч. и на Британских островах, примерно в 3 тысячелетии до нашей эры. Stonehenge – один из самых крупных, наиболее сохранившийся и потому самый известный из этих памятников.